B65
303

Аграрная Коммиссія Партіи Народной Свободы.

В 65 303

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ

НА IV ДЕЛЕГАТСКОМЪ СЪѢЗДѢ

ПАРТІИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ.

Цѣна 15 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т ва „Общественная Польза“. Большая Подъяческая, № 39.
1907.

Аграрная Коммиссія Партіи Народной Свободы.

1365/303

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ

НА IV ДЕЛЕГАТСКОМЪ СЪѢЗДѢ

ПАРТІИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ.

2092/17

Цѣна 15 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза". Большая Подъяческая, № 39.
1907.

2 экз

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
723229

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Доклады, представленные аграрной секціи IV Съѣзда партіи Народной Свободы:

Стран.

А. А. Кауфмана. Землеустроительныя Коммиссіи . . 5

Н. Н. Кутлера. Современная дѣятельность Крестьянскаго Банка и ея значеніе 30

А. А. Кауфмана. Аграрные указы (12 и 27 августа и 19 сентября) 48

Резолюціи IV Съѣзда партіи по аграрному вопросу . 71

I. Землеустроительныя комиссіи.

По указу 4 марта, землеустроительныя комиссіи были учреждены съ очень скромно формулированными задачами и полномочіями—именно «въ цѣляхъ оказанія помощи крестьянскому банку въ выполненіи возложенныхъ на него манифестомъ 3 ноября 1905 года задачъ по облегченію покупки крестьянами земель»; на второмъ мѣстѣ въ указѣ упоминалось о «содѣйствіи населенію къ устраненію въ установленномъ законами порядкѣ недостатковъ существующаго землевладѣнія и землепользованія», причемъ высказывалась надежда, что «совмѣстными трудами всѣхъ (в с ѣ х ъ!) мѣстныхъ силъ будутъ постепенно облегчены насущныя нужды сельскаго населенія», конечно, «при непремѣнномъ сохраненіи правъ частныхъ владѣльцевъ». Теперь, въ силу указа 27-го августа, распространившаго кругъ дѣятельности комиссій на совершенно новую сферу, а въ особенности подъ вліяніемъ утвержденнаго комитетомъ по землеустроительнымъ дѣламъ, 19 сентября, наказа землеустроительнымъ комиссіямъ, положеніе послѣднихъ уже совершенно иное: задачею комиссій, по 1-му пункту наказа, является, вообще, «выясненіе на мѣстахъ земельныхъ нуждъ крестьянскаго населенія и содѣйствіе к расширенію и улучшенію его землевладѣнія способами и въ порядкѣ, указанными въ наказѣ»,—конечно тоже при «непремѣнномъ сохраненіи» того, сохраненіе чего является однимъ изъ главнѣйшихъ побудительныхъ мотивовъ всей современной землеустроительной дѣятельности правительства.

Огромная широта круга дѣйствій землеустроительныхъ комиссій, какъ онъ сложился въ настоящее время, ясна уже изъ простого перечня заголовковъ главъ наказа. Этотъ кругъ обнимаетъ, оказывается: 1) «содѣйствіе крестьянамъ въ пріобрѣтеніи земли при помощи крестьянскаго банка»; 2) «участіе въ дѣлѣ продажи казенныхъ земель»; 3) «сдачу казенныхъ земель въ аренду»; 4) «содѣй-

ствіе переселенію крестьянъ на казенныя земли Азіатской Россіи»; 5) «содѣйствіе сельскимъ обществамъ въ улучшеніи условій землевладѣнія и порядковъ землепользованія», и 6) «разверстаніе чрезполосности надѣльныхъ земель съ прилегающими владѣніями и общности пользованія крестьянъ съ частными владѣльцами». Наконецъ, ко всѣмъ этимъ категоріямъ дѣлъ надо присоединить еще распродажу крестьянамъ удѣльныхъ земель по указу 12 августа с. г. Но предѣлы участія коммисій въ дѣлахъ данной категоріи очерчены очень узко: комиссіи занимаются именно только «распродажею крестьянамъ» удѣльныхъ земель, уже «переданныхъ крестьянскому банку» (26); иначе сказать, онѣ устраняются отъ всякаго участія въ самомъ моментѣ передачи, и такимъ образомъ вопросъ о пріобрѣтеніи въ государственный земельный фондъ удѣльныхъ земель, а также объ условіяхъ такого пріобрѣтенія, разрѣшается, съ глазу на глазъ, удѣльнымъ вѣдомствомъ и администраціею банка. Почему удѣльное вѣдомство, въ другихъ случаяхъ такъ охотно ставящее себя въ положеніе частнаго владѣльца, сочло необходимымъ поставить передачу своихъ земель банку въ совершенно иныя формальныя условія, нежели въ какія поставлена продажа, при содѣйствіи банка, частновладѣльческихъ земель, объ этомъ, конечно, приходится только догадываться,—и наши догадки рѣзрѣшатся только тогда, когда мы узнаемъ по какимъ цѣнамъ будутъ «передаваться» удѣльныя земли.

Итакъ, кругъ дѣятельности землеустроительныхъ комиссій по наказу несравненно шире, чѣмъ намѣчалось по указу 4 марта. Совершенно иные, въ настоящее время, и предѣлы его полномочій: По указу 4 марта комиссіи учреждены «въ цѣляхъ оказанія помощи», «содѣйствія крестьянскому банку» въ его операціяхъ, «обсужденія вопросовъ о цѣлесообразности пріобрѣтенія банкомъ предлагаемыхъ къ покупкѣ имѣній и о порядкѣ ликвидаціи ихъ, установленія степени нужды крестьянъ въ продаваемой землѣ и содѣйствія къ выясненію ея дѣйствительной стоимости». По наказу комиссіи уже не «содѣйствуютъ», а «принимаютъ участіе» во всей совокупности операцій банка (наказъ, п. 11), и это участіе во всемъ наиболѣе существенномъ пріобрѣтаетъ рѣшающій характеръ: заключеніе комиссіи о нецѣлесообразности покупки имѣнія «пріостанавливаетъ дальнѣйшее производство дѣла» (15), ликвидація же скупаемыхъ банкомъ земель совершенно изъята изъ рукъ банка и всецѣло передана въ руки землеустроительныхъ комиссій: онѣ не только «сами разрабатываютъ» предположенія о ликвидаціи имѣній, купленныхъ при ихъ участіи,

но могутъ, если сочтутъ нужнымъ, принять участіе въ разработкѣ плана ликвидаціи и по всѣмъ имѣніямъ, пріобрѣтеннымъ ранѣе, безъ ихъ участія, если только банкъ еще не вступилъ въ соглашенія съ крестьянами о передачѣ имъ земель этихъ имѣній (20). Нечего уже говорить о дѣлахъ по продажѣ и сдачѣ крестьянамъ въ аренду казенныхъ земель: по точному смыслу указа 27 августа, дѣло это передано всецѣло въ руки землеустроительныхъ комиссій; онѣ являются, каждая въ своемъ уѣздѣ, полновластными распорядителями наличнаго запаса государственныхъ земель, и въ ихъ рукахъ сосредоточивается вся совокупность полномочій, ранѣе принадлежавшихъ управленіямъ государственныхъ имуществъ и губернскимъ присутствіямъ: онѣ полновластно рѣшаютъ, что именно подлежитъ продажѣ или сдачѣ въ аренду, кому и на какихъ условіяхъ, — на обязанности управленій государственныхъ имуществъ остается лишь простое исполненіе рѣшеній комиссій (62). Наказъ, правда, оставляетъ за управленіями право суспенсивнаго veto, но, по не совсѣмъ понятнымъ или—вѣрнѣе—по совсѣмъ непонятнымъ мнѣ соображеніямъ, не тамъ, гдѣ губернскій органъ главнаго управленія землеустройства являлся бы наиболѣе компетентнымъ, — именно не въ вопросѣ о томъ, какія земли, вообще, подлежатъ передачѣ населенію и какія, по тѣмъ или другимъ «общегосударственнымъ» или мѣстнымъ соображеніямъ, должны быть оставлены въ распоряженіи государства, а лишь въ вопросахъ о продажныхъ и арендныхъ цѣнахъ и о льготахъ, предоставляемыхъ покупщикамъ и арендаторамъ,—вопросахъ, гораздо болѣе интересующихъ, въ сущности, финансовое вѣдомство, чѣмъ управленіе государственныхъ имуществъ.

Уже изъ сказаннаго для читателя должно быть ясно, что кругъ обязанностей землеустроительныхъ комиссій чрезвычайно сложенъ и разнообразенъ. Комиссіи, прежде всего, «постепенно выясняютъ общее положеніе землевладѣнія въ уѣздѣ», опираясь при этомъ какъ на имѣющіеся печатные и рукописные источники, такъ и на самостоятельно собираемыя и разрабатываемыя статистическія свѣдѣнія (5), и имѣя притомъ право требовать содѣйствія земскихъ и правительственныхъ учрежденій (8),—право, которое, замѣчу мимоходомъ, можетъ легко вступить въ конфликтъ съ правами самихъ этихъ учрежденій, на которыя никакой законъ не возлагаетъ о б я з а н н о с т и оказывать комиссіямъ подобное содѣйствіе. Программа предстоящихъ комиссіямъ земельно-и хозяйственно-статистическихъ изслѣдованій, какъ ясно изъ самого существа ихъ обязанностей,

чрезвычайно сложна: мы находимъ здѣсь и обезпеченность каждаго селенія надѣльною и купчею землею, и обычныя формы землепользованія, и общее распредѣленіе земельной собственности, и способы ея эксплоатаціи владѣльцами (6 — 8), — вопросы, точное и полное выясненіе которыхъ вполнѣ оправдало бы существованіе спеціальной статистической организаціи, но....конечно только и мыслимо при наличности такой организаціи. На комиссіяхъ лежитъ затѣмъ выработка общаго по уѣзду плана землеустроительныхъ мѣропріятій: онѣ опредѣляютъ, съ утвержденія комитета по землеустроительнымъ дѣламъ, какія изъ казенныхъ земель въ уѣздѣ подлежатъ продажѣ по указу 27 августа, и притомъ—какія мѣстнымъ крестьянамъ и какія—крестьянамъ другихъ уѣздовъ и губерній (37—40). По отношенію къ другимъ многообразнымъ отраслямъ дѣятельности комиссій и въ частности по отношенію къ распродажѣ крестьянамъ частновладѣльческихъ земель наказъ не даетъ столь-же категорическаго указанія на обязательность выработки общаго плана,—и это до извѣстной степени понятно, потому что принципъ скупки земель, по соглашенію съ частными владѣльцами, исключаетъ возможность полной планомѣрности; но обязательность выработки чего-то вродѣ общаго плана съ неизбѣжностью вытекаетъ изъ помѣщеннаго въ одной изъ вводныхъ статей наказа указанія, что дѣятельность комиссій направляется къ удовлетворенію, прежде всего, земельныхъ нуждъ тѣхъ селеній, «кои находятся въ особо неблагопріятныхъ условіяхъ и содѣйствіе которымъ особенно желательно» (3): очевидно, только тотъ можетъ отвѣтить на вопросъ, кому «особенно желательно» помочь, кому ясенъ общій планъ землеустроительныхъ мѣропріятій, въ ихъ взаимной связи и постепенности. На комиссію возложена, затѣмъ, въ высшей степени важная обязанность освѣдомлять населеніе о способахъ и путяхъ расширенія его землевладѣнія и улучшенія его землепользованія: онѣ «принимаютъ мѣры къ ознакомленію населенія съ задачами ихъ землеустроительной дѣятельности и разъясняютъ, въ какихъ случаяхъ и на какихъ основаніяхъ онѣ уполномочены оказывать населенію помощь и содѣйствіе къ удовлетворенію его земельныхъ нуждъ» (2), причемъ на особо видное мѣсто выдвинуто распространеніе точныхъ свѣдѣній объ условіяхъ переселенія на казенныя земли Азіатской Россіи (67). Въ рядѣ случаевъ, напримѣръ при покупкѣ крестьянами земли отъ крестьянскаго банка и черезъ его посредство, при переходѣ населенія къ улучшеннымъ формамъ землевладѣнія и землепользованія, при разверстаніяхъ и устраненіи чрезполосности и т. п., комиссіи

оказываютъ сторонамъ всяческое содѣйствіе «къ выполненію всѣхъ требуемыхъ отъ нихъ условій и формальностей», «къ облеченію въ законную форму состоявшихся соглашеній» (11, 70). Въ рядѣ другихъ случаевъ на комиссіи возлагается посредничество между сторонами и «склоненіе» ихъ къ соглашеніямъ; въ частности, такое непосредственное вмѣшательство, въ формѣ «сношеній, по собственному почину, съ продавцами и покупщиками», вмѣняется комиссіямъ въ обязанность въ тѣхъ случаяхъ, когда покупкою земли могутъ быть устранены вредная чрезполосность или граничные недоразумѣнія и споры (36). Наконецъ, на комиссіи возлагаются разнообразнѣйшія функціи чисто-хозяйственнаго и попечительнаго характера: онѣ распоряжаются разбивкой продаваемыхъ крестьянамъ земель на участки, и притомъ по преимуществу пригодные для хуторскаго хозяйства (42), опредѣляютъ—гдѣ нужно—ихъ годность для переселенія (45), производятъ въ купленныхъ крестьянскимъ банкомъ имѣніяхъ землемѣрныя и меліоративныя работы (24), разбиваютъ на участки казенныя оброчныя статьи, подлежащія и впредь сдачѣ въ аренду, и устанавливаютъ обязательные для арендаторовъ сѣвообороты (56), оказываютъ денежную помощь на простѣйшія меліораціи (52), въ случаѣ переселенія на казенныя или банковскія земли разрѣшаютъ ссуды на установленныхъ для переселенцевъ основаніяхъ (52 и 53), возбуждаютъ ходатайства объ оказаніи переселяющимся въ Азіатскую Россію «особыхъ мѣръ содѣйствія къ переселенію», независимо отъ общихъ льготъ (66), и т. д., и т. д. Словомъ, повторяю, функціи землеустроительныхъ комиссій чрезвычайно сложны, трудны и разнообразны; онѣ безусловно требуютъ и весьма разнообразной теоретической и практической подготовки, и способности стать выше того или другого узкаго, классоваго или территоріальнаго интереса, и, во всякомъ случаѣ, онѣ могутъ быть выполнены лишь такимъ учрежденіемъ, которое вправѣ будетъ разсчитывать на полное и широкое довѣріе со стороны, дѣйствительно, всѣхъ мѣстныхъ силъ—всѣхъ классовъ заинтересованнаго въ землеустроительныхъ мѣропріятіяхъ населенія, въ особенности же, конечно, со стороны крестьянъ.

Сейчасъ мы увидимъ, въ какой мѣрѣ организація землеустроительныхъ комиссій позволяетъ разсчитывать на наличность всѣхъ или хотя бы нѣкоторыхъ изъ этихъ условій, теперь же я скажу нѣсколько словъ по поводу тѣхъ изъ постановленій наказа, которыя имѣютъ характеръ, такъ сказать, матеріальнаго права и могутъ слу-

жить къ характеристикѣ, съ той или другой стороны, земельной политики современнаго правительства.

Какъ само собою ясно, отъ только-что изданнаго наказа землеустроительнымъ комиссіямъ можно было ожидать только разъясненія и развитія началъ дѣйствующихъ законовъ и новѣйшихъ землеустроительныхъ указовъ, въ частности—указа 4 марта, а не коренного ихъ измѣненія. Само собою разумѣется поэтому, что наказъ не сходитъ съ почвы «непремѣннаго сохраненія законныхъ правъ частныхъ владѣльцевъ». Въ этихъ предѣлахъ онъ только и можетъ подлежать нашей критикѣ, и въ частности,—мнѣ кажется неправильнымъ становиться на ту точку зрѣнія, которую занялъ одинъ изъ критиковъ наказа: именно, ставить ему въ упрекъ соблюденіе только-что упомянутаго «непремѣннаго условія» даже въ такихъ дѣлахъ, какъ устраненіе чрезполосности и т. п. Составители наказа совершенно ясно представляли себѣ всю необходимость постановки этого рода дѣлъ на почву принудительнаго отчужденія—противъ этого не возражалъ даже г Гурко, когда проваливали кутлеровскій проектъ. Но составители наказа должны были оперировать въ предѣлахъ дѣйствующаго закона, не допускающаго, даже и въ этого рода случаяхъ, примѣненія принудительнаго отчужденія,—и, конечно, не намъ упрекать ихъ за то, что они въ данномъ случаѣ не рѣшились пойти по пути неправильнаго и противозаконнаго примѣненія ст. 87 основныхъ законовъ. Однако, перехожу къ дѣлу.

Первый и самый важный вопросъ (ибо послѣдствія ошибокъ въ данномъ направленіи будутъ, въ большей или меньшей степени, непоправимы!)—это вопросъ о томъ, насколько организація землеустроительныхъ комиссій, съ ихъ широкими полномочіями, обезпечиваетъ цѣлесообразное распредѣленіе земельныхъ запасовъ страны; иначе сказать — какъ землеустроительныя комиссіи будутъ разбираться въ разнообразныхъ нуждахъ и интересахъ, затрагиваемыхъ при распредѣленіи того земельнаго фонда, который будетъ, такъ или иначе, проходить черезъ ихъ руки.

Комиссіямъ, прежде всего, предоставлено безапелляціонное право опредѣлять, какія изъ казенныхъ земель могутъ быть, вообще, предназначены къ продажѣ крестьянамъ и какія, наоборотъ, должны быть изъяты отъ продажи въ силу тѣхъ разнообразнѣйшихъ «государственныхъ и общественныхъ надобностей», которыя предусмотрѣны указомъ 27 августа (38) и которыя, конечно, не могутъ быть упускаемы изъ виду при распредѣленіи наличнаго и будущаго государственнаго земельнаго фонда. Но развѣ эти комиссіи, при томъ ихъ личномъ со-

ставѣ, о которомъ мнѣ придется говорить ниже, маломальски компетентны разбираться въ тѣхъ разнообразныхъ сельско-хозяйственныхъ, промышленныхъ, горнозаводскихъ, просвѣтительныхъ и т. п. «надобностяхъ», которыя могутъ потребовать, въ каждомъ данномъ случаѣ, изъятія отъ продажи того или иного земельнаго участка? Извѣстно, что мѣстныя учрежденія вѣдомства государственныхъ имуществъ были склонны къ самому распространительному толкованію всякихъ «государственныхъ и общественныхъ надобностей», когда ихъ надо было противупоставлять ходатайствамъ и нуждамъ населенія, и совсѣмъ несклонны отдавать что бы то ни было этому послѣднему. Съ этой точки зрѣнія не приходится очевидно жалѣть, что вопросъ о назначеніи казенныхъ земель изъятъ изъ безконтрольнаго распоряженія этихъ учрежденій. Но приходится очень пожалѣть о томъ, что рѣшеніе передано въ еще гораздо болѣе безконтрольное распоряженіе землеустроительныхъ комиссій: какъ бы ни относиться къ степени компетентности и «благожелательности» комиссій,—одно можно съ увѣренностью сказать: комиссіи, особенно при данныхъ вѣяніяхъ, будутъ склонны игнорировать всякаго рода «государственныя и общественныя» надобности; онѣ будутъ отдавать крестьянамъ, что можно и чего нельзя отдать,—а между тѣмъ наказъ, какъ мы видѣли, не противоставляетъ никакой сдержки ихъ неизбѣжнымъ, въ данномъ направленіи, увлеченіямъ.

Далѣе: разъ извѣстный запасъ казенныхъ, удѣльныхъ или банковскихъ земель предназначенъ къ распродажѣ, какъ и по какимъ основаніямъ его распредѣлить? Что отдать мѣстному населенію и что—населенію другихъ, можетъ быть, гораздо болѣе нуждающихся въ землѣ мѣстностей? Составители наказа не упускали изъ в[illegible] этой первостепенно важной и чрезвычайно трудной стороны вопроса и ввели въ наказъ нѣсколько общихъ руководящихъ указаній. Дѣятельность комиссій направляется, прежде всего, къ удовлетворенію земельныхъ нуждъ тѣхъ селеній, «кои находятся въ особо неблагопріятныхъ условіяхъ» (3); «преимущественное содѣйствіе въ покупкѣ земли» оказывается дворамъ, земельное обезпеченіе которыхъ не достигаетъ средняго существующаго размѣра земельнаго обезпеченія крестьянъ уѣзда (7); предѣльный размѣръ покупокъ, которымъ могутъ содѣйствовать комиссіи, не долженъ превышать нормъ, вырабатываемыхъ самими комиссіями и утверждаемыхъ комитетомъ по землеустроительнымъ дѣламъ (29 и 46). Въ наказѣ имѣются и прямыя напоминанія о томъ, что комиссіи должны заботиться не объ одномъ только мѣстномъ населеніи, хотя и ставить его интересы на

первую очередь. Такъ, въ общемъ планѣ распредѣленія казенныхъ земель уѣзда, вырабатываемомъ комиссіями и утверждаемомъ главнымъ комитетомъ, должно быть выяснено, «какія изъ этихъ земель необходимы для обезпеченія мѣстныхъ крестьянъ, и какія возможно предоставить крестьянамъ другихъ уѣздовъ и губерній» (39, 40); на банковскихъ земляхъ комиссіямъ рекомендуется устраивать «малоземельныхъ крестьянъ, не принадлежащихъ къ числу окрестныхъ жителей, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это возможно безъ нарушенія интересовъ мѣстнаго, нуждающагося въ землѣ населенія» (27), причемъ въ соотвѣтственный пунктъ наказа, въ самый послѣдній моментъ передъ его утвержденіемъ, внесено вполнѣ цѣлесообразное указаніе, что «окрестные къ распродаваемымъ землямъ крестьяне сосѣднихъ уѣздовъ» устраиваются комиссіями на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и крестьяне своего уѣзда.

Принципіально всѣ эти указанія не встрѣчаютъ, по моему мнѣнію, особыхъ возраженій. Несомнѣнно, въ основу распредѣленія государственнаго земельнаго запаса должны быть положены какія-нибудь нормы; не менѣе несомнѣнно, что преимущество должно быть отдаваемо, при прочихъ равныхъ условіяхъ, мѣстному населенію передъ пришлымъ и среди мѣстнаго—находящемуся «въ особо неблагопріятныхъ условіяхъ» передъ менѣе нуждающимся въ землѣ; я готовъ признать принципіально правильнымъ, хотя и недостаточно ясно формулированнымъ, даже тотъ, встрѣчавшій возраженія въ повременной печати, пунктъ наказа, въ силу котораго преимущество при покупкѣ земли отдается тѣмъ, чье землевладѣніе не достигнетъ средняго по уѣзду размѣра,—этотъ средній размѣръ несомнѣнно играетъ извѣстную роль при выработкѣ средняго для уѣзда типа хозяйства, отъ котораго зависитъ и самый размѣръ потребности въ землѣ. Но... все это только принципіально, и опять-таки, гдѣ гарантіи въ томъ, что всѣ перечисленныя, можетъ быть и весьма благожелательныя, указанія будутъ выполняться мало-мальски цѣлесообразно?.. Такихъ гарантій совершенно нѣтъ. Очевидно, что мало-мальски правильно исполнить эти указанія можно лишь на основаніи широкаго статистическаго матеріала, дающаго возможность въ одной общей связи представить себѣ всю картину мѣстнаго землевладѣнія и мѣстныхъ земельныхъ нуждъ. Землеустроительныя комиссіи, мы знаемъ, и обязаны собирать такого рода матеріалъ. Ниже мы увидимъ, можно-ли ожидать отъ комиссій чего нибудь похожаго на статистику. Допустимъ однако, что можно; но вѣдь статистическія свѣдѣнія собираются комиссіями лишь «по мѣрѣ развитія своей

дѣятельности», слѣдовательно будутъ — прошу простить мнѣ нѣсколько грубое сравненіе—горчицей послѣ ужина: комиссіи сначала выработаютъ планы своихъ дѣйствій, сначала будутъ распредѣлять, довѣренные имъ земельные запасы, а уже потомъ, по мѣрѣ развитія ихъ дѣятельности, онѣ — предполагается — соберутъ тотъ фактическій матеріалъ, безъ котораго онѣ, собственно говоря, не могутъ даже и приступить ни къ какому практическому дѣлу. Комиссіи должны вырабатывать, а главный комитетъ утверждать нормы или, употребляя оффиціальную терминологію, «предѣльные размѣры», которыхъ не должно превосходить количество продаваемой крестьянамъ земли. Но ни наказъ 19 сентября, ни указъ 27 августа, гдѣ впервые появляется мысль о нормахъ, вырабатываемыхъ комиссіями, не даютъ даже намека на тѣ начала, какими комиссіи должны руководствоваться при выработкѣ, а главный комитетъ—при утвержденіи «предѣльныхъ размѣровъ»: какъ уже неоднократно отмѣчалось въ печати, мы не знаемъ даже, должны ли нормы вырабатываться по трудовому, вообще производительному принципу, слѣдовательно содѣйствовать насажденію въ странѣ сравнительно небольшого количества «крѣпкихъ крестьянскихъ хозяйствъ», или наоборотъ—въ основѣ ихъ долженъ лежать потребительный принципъ, что́ болѣе или менѣе равносильно удовлетворенію земельной нужды возможно большей части малоземельнаго крестьянства, но за то въ гораздо болѣе ограниченныхъ размѣрахъ. Но даже и независимо отъ этого, землеустроительныя комиссіи, по самому своему составу и организаціи, совершенно неспособны разбираться въ такомъ безконечно трудномъ и сложномъ вопросѣ, какъ вопросъ о нормахъ землевладѣнія; ихъ нормы будутъ не болѣе, какъ отраженіемъ, съ одной стороны, личныхъ воззрѣній того или другого вліятельнаго члена, а съ другой и главнымъ образомъ—желаній и требованій мѣстнаго населенія, заинтересованнаго, конечно, въ возможно болѣе высокихъ нормахъ. А главный земельный комитетъ, опять-таки, по своему узко-бюрократическому составу и организаціи, не будетъ располагать ни необходимою компетентностью, ни должнымъ внутреннимъ авторитетомъ, чтобы критически отнестись къ идущимъ съ мѣстъ, хотя бы самымъ фантастическимъ измышленіямъ. Но вѣдь на опредѣленіи нормъ дѣло еще отнюдь не кончается: по какимъ основаніямъ и признакамъ, спрашивается, будутъ мѣстныя комиссіи опредѣлять тѣ «особо неблагопріятныя условія», наличность которыхъ будетъ давать извѣстнымъ селеніямъ преимущественное право на удовлетвореніе ихъ земельныхъ нуждъ передъ другими се-

леніями, коихъ землевладѣніе тоже не достигаетъ предѣльныхъ нормъ, можетъ быть даже и передъ такими, которыхъ землевладѣніе ниже средняго по уѣзду размѣра? А главное: какимъ образомъ будутъ земельныя комиссіи сопоставлять «особую нужду» и «особо неблагопріятныя условія» тѣхъ или другихъ м ѣ с т н ы х ъ крестьянъ съ гораздо болѣе, можетъ быть, «особою» нуждою и гораздо болѣе, можетъ быть неблагопріятными условіями и н о у ѣ з д н а г о и и н о г у б е р н с к а г о населенія, о которомъ онѣ, эти комиссіи, окончательно не будутъ имѣть никакого представленія, и которое къ нимъ, этимъ комиссіямъ, не будетъ имѣть даже никакого законнаго доступа?.. Единственный принципъ, на основаніи котораго комиссіями будутъ разрѣшаться всѣ эти безконечно разнообразные и сложные вопросы, это принципъ: «дитя не плачетъ—мать не разумѣетъ»: пріобрѣтаться въ казну будутъ тѣ имѣнія, владѣльцы которыхъ сумѣютъ лучше хлопотать о покупкѣ—живописнѣе расписать прелести продаваемой земли, ярче изобразить земельную нужду сосѣдняго съ имѣніемъ населенія и т. п.; преимуществами при распродажѣ воспользуются тѣ крестьянскія общества и отдѣльные крестьяне, которые сумѣютъ пожалостливѣе написать прошеніе или пошлютъ въ комиссію «ходока» побойчѣе, за которыхъ въ комиссіи вступится ихъ участковый земскій начальникъ, или ихъ бывшій земскій начальникъ, переименованный въ непремѣннаго члена. И роль такого плачущаго дитяти будетъ в с е г д а принадлежать именно м ѣ с т н о м у населенію, а иномѣстное населеніе, плачъ котораго не будетъ имѣть способа достигнуть материнскихъ ушей комиссіи, всегда будетъ въ убыткѣ: комиссіи, въ частности комиссіи мѣстностей съ большими земельными запасами, будутъ вырабатывать нормы подъ постояннымъ давленіемъ заявленій и требованій мѣстнаго насселенія, заинтересованнаго въ ихъ повышенія, не имѣя никакого соприкосновенія съ иномѣстными крестьянами, интересы которыхъ требовали бы, быть можетъ, нѣкотораго сокращенія этихъ нормъ. Работая въ предѣлахъ уже утвержденныхъ нормъ, комиссіи будутъ оставаться подъ тѣмъ-же постояннымъ давленіемъ требованій мѣстнаго населенія, даже наилучше обезпеченнаго землею, о продажѣ земли именно е м у, этому м ѣ с т н о м у населенію, которое вѣдь в с е г д а для чего-нибудь—не для пашни, такъ для покоса, не для покоса, такъ для выпаса скота—нуждается въ землѣ: если же его наличное землевладѣніе выходитъ за предѣлы всякихъ нормъ, то это-же мѣстное населеніе в с е г д а найдетъ основаніе просить о продленіи арендъ, а комиссіи найдутъ основаніе разрѣшать такое продленіе, не имѣя, въ видѣ правила,

даже прямого способа освѣдомиться о гораздо болѣе настоятельныхъ, можетъ быть, нуждахъ иномѣстныхъ крестьянъ. А между тѣмъ, рѣшенія комиссій и въ данномъ случаѣ безапелляціонны, и какъ бы далеко ни зашла та или другая комиссія по пути безцѣльной растраты столь ограниченныхъ земельныхъ запасовъ страны,—наказъ не даетъ ни главному комитету, ни вообще кому-бы то ни было, никакого законнаго способа положить конецъ такой растратѣ.

Другая сторона дѣла, рѣзко бросающаяся въ глаза—это увлеченіе составителей наказа «улучшеніемъ условій землевладѣнія и порядковъ землепользованія» устраненіемъ чрезполосности, разселеніемъ на хутора, устраненіемъ длинноземелья «безпередѣльнымъ пользованіемъ» или, говоря проще—уничтоженіемъ общиннаго землевладѣнія, и т. п. Въ принципѣ не приходится, конечно, возражать противъ содѣйствія такому улучшенію, гдѣ оно идетъ навстрѣчу несомнѣнному и ясно высказанному желанію самого населенія. Съ этой точки зрѣнія ничего нельзя имѣть противъ возложенной на комиссіи нѣкоторыми пунктами наказа обязанности разбивать передаваемыя крестьянамъ земли на мелкіе участки, «особенно озабочиваясь образованіемъ небольшихъ хуторскихъ отрубовъ» (22, 42); противъ «содѣйствія» кліентамъ крестьянскаго банка въ раздѣлѣ земли на отдѣльные отрубы или въ уменьшеніи числа полосъ (35). Ничего нельзя было-бы имѣть противъ всякаго рода содѣйствія къ переходу крестьянъ къ улучшеннымъ способамъ пользованія надѣльными землями, не исключая безплатной землемѣрной помощи и даже денежныхъ пособій на переносъ усадебъ (68),—если бы только была гарантія, что это содѣйствіе будетъ вытекать изъ дѣйствительныхъ желаній населенія, а не изъ фантазій того или другого случайнаго состава землеустроительной комиссіи. Съ этой точки зрѣнія нельзя было-бы возражать и противъ участія комиссій, въ роли посредниковъ и примирителей, во всякаго рода дѣлахъ, касающихся какъ внутринадѣльнаго землепользованія, такъ и граничныхъ отношеній или общности пользованія крестьянъ съ сосѣдними владѣльцами (отд. VI и VII),—если бы, опять-таки, можно было предполагать, что комиссіи сумѣютъ отрѣшиться отъ традицій печальной памяти института земскихъ начальниковъ *). Но едва ли можно одобрить

*) Въ самомъ концѣ октября послѣдовало циркулярное „разъясненіе“, изъ котораго видно, что для такихъ предположеній не можетъ быть мѣста: изъ разъясненія видно, что коммисіи призваны „привести“ населеніе къ желательнымъ правительству формамъ землепользованія, и что земскимъ начальникамъ должна принадлежать въ этомъ дѣлѣ самая активная роль.

категорическое указаніе наказа, что комиссіи „не оказываютъ содѣйствія“ къ покупкѣ земли, разъ при этомъ образуется вредная чрезполосность и длинноземелье (32),—крестьянамъ, казалось бы, можно и самимъ предоставить разбираться въ томъ, вредна ли для нихъ покупка, или не вредна. Результатъ несомнѣннаго увлеченія идеей «улучшенія» — преимущество, отдаваемое при продажѣ земли крестьянамъ, изъявившимъ согласіе перейти къ хуторскому разселенію (25, г.), а тѣмъ болѣе—разрѣшеніе крестьянамъ, при этомъ условіи, пріобрѣтать казенную и банковскую землю въ размѣрахъ, превыщающихъ установленныя нормы (30). Можно быть увѣреннымъ, что крестьяне дадутъ какіе угодно приговоры, чтобы устранить конкуррентовъ или получить земли сверхъ нормы; но приговоры эти, конечно, будутъ оставаться приговорами; никакія землеустроительныя комиссіи не въ состояніи будутъ настоять на ихъ исполненіи, разъ переходъ на хутора не вызывается д ѣ й с т в и т е л ь н о ю, сознанною крестьянами, хозяйственною необходимостью. Наконецъ, несомнѣнное увлеченіе «безпередѣльнымъ» пользованіемъ—то правило наказа, въ силу котораго земля отводится и «предѣльные размѣры» разсчитываются на отдѣльные малоземельные дворы или на товарищества изъ такихъ дворовъ не только при наличности формальнаго подворнаго владѣнія, но и въ общинахъ, «прекратившихъ передѣлы съ давнихъ поръ»,—какъ было сказано въ послѣдней проектной редакціи наказа, или «окончательно»,—какъ сказано въ утвержденномъ наказѣ (31). Прежде всего, что значитъ «съ давнихъ поръ», или даже «окончательно»? Кто будетъ рѣшать, что общины, дѣйствительно, «п р е к р а т и л и» и притомъ «о к о н ч а т е л ь н о» прекратили передѣлы, а не просто д о л г о н е п е р е д ѣ л я л и землю? Очевидно, землеустроительная комиссія, проникнутая—за это порукою ея составъ—тѣми же увлеченіями, что и составители наказа. На практикѣ дѣло, очевидно, сведется вотъ къ чему: «давно прекратившія передѣлы» общины—это тѣ, гдѣ, въ видѣ правила, идетъ упорная борьба за передѣлъ; въ нихъ есть несомнѣнно малоземельные—«прибылые» дворы и души, добивающіеся передѣла и, въ видѣ правила, есть несомнѣнно не-малоземельные, которые именно потому и противъ передѣла, что имъ при этомъ пришлось бы поступиться частью своихъ надѣловъ. При передѣлѣ земельная нужда первыхъ была бы, цѣликомъ или частью, покрыта за счетъ вторыхъ. Но тутъ является на сцену землеустроительная комиссія со ст. 31 своего наказа; многоземельнымъ дворамъ, конечно, крайне выгодно увѣрить комиссію въ томъ, что пе-

редѣлы «давно» и «окончательно» прекратились; комиссіи, вѣрныя указаніямъ начальства, будутъ охотно давать вѣру такого рода заявленіямъ, которыя ни съ какой стороны не будутъ встрѣчать отпора, такъ какъ прежнимъ сторонникамъ передѣла настаивать на передѣлѣ не будетъ никакой необходимости: все равно, они получатъ какую-нибудь землю отъ комиссіи или при ея посредствѣ. Въ результатѣ окажутся сотни и тысячи общинъ, по произволенію начальства «окончательно» и „давно„ "прекратившихъ" передѣлы: въ результатѣ—растрата земельнаго фонда на расширеніе землевладѣнія такого элемента, который легко и просто могъ бы быть обезпеченъ землею путемъ внутриобщиннаго передѣла, тогда какъ для сотенъ тысячъ и милліоновъ дѣйствительно малоземельнаго населенія земли, какъ хорошо знаютъ и составители наказа, совершенно неоткуда будетъ взять. Правильно ли, спрашивается, идти на такую растрату, жертвовать значительною, въ общемъ итогѣ, долею и безъ того недостаточнаго, при какихъ бы то ни было условіяхъ, государственнаго земельнаго фонда, въ явный ущербъ извѣстной части малоземельнаго населенія, только для того, чтобы искусственно поддерживать и создавать «безпередѣльное пользованіе» и не мытьемъ, такъ катаньемъ, донять злосчастную общину?!...

Наконецъ, нѣсколько словъ по вопросу объ оцѣнкахъ. Комиссіи привлекаются къ самому дѣятельному участію въ этомъ дѣлѣ: онѣ оказываютъ крестьянскому банку „содѣйствіе къ выясненію дѣйствительной стоимости имѣній" (12 б.), установляютъ продажныя цѣны при распродажѣ крестьянамъ банковскихъ и удѣльныхъ земель (21)—впрочемъ, въ утвержденной редакціи наказа упоминаніе о цѣнахъ, почему то, отсутствуетъ; онѣ являются почти полновластными хозяевами при оцѣнкѣ казенныхъ земель (49, 59), какъ для продажи, такъ и для сдачи въ аренду. Но увы—во всемъ этомъ онѣ поступаютъ «примѣнительно къ правиламъ для оцѣнки земель, покупаемыхъ крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ», и—что особенно странно—наказъ, детально и обстоятельно разработанный въ большинствѣ другихъ вопросовъ, въ данномъ случаѣ ограничивается цитированнымъ крайне общимъ указаніемъ, совершенно не разъясняя, какъ именно и въ какихъ предѣлахъ слѣдуетъ «примѣняться» къ банковскимъ правиламъ оцѣнокъ, какъ согласовать эти правила, расчитанныя на условія эксплоатаціи частновладѣльческихъ земель, съ совершенно иными условіями эксплоатаціи земель казенныхъ, какимъ образомъ примирять инте-

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ресы крестьянъ съ такими указаніями банковскихъ правилъ (вродѣ 44-й статьи!), которыя, разъ «примѣненіе» ихъ или «примѣненіе» къ нимъ не останется мертвою буквой, будутъ имѣть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ преувеличенныя и непосильныя для крестьянъ оцѣнки, а покупателей казенныхъ земель поставятъ, можетъ быть, въ худшее положеніе, чѣмъ въ какомъ они были въ качествѣ арендаторовъ тѣхъ же земель [1]).

Приведенными немногими замѣчаніями я ограничу мою критику по существу наказа землеустроительнымъ комиссіямъ. Я безъ всякаго сомнѣнія далеко не исчерпалъ, да и не хотѣлъ исчерпать предмета, и число замѣчаній этого рода могло бы быть, при желаніи, значительно умножено. Не хотѣлъ я и не считалъ нужнымъ исчерпать предмета главнымъ образомъ потому, что не въ постановленіяхъ наказа суть вопроса; дѣло не въ томъ, что въ немъ и какъ написано, а въ томъ, кѣмъ и какъ написанное въ наказѣ будетъ исполняться. Я лично далеко не согласенъ съ тѣми изъ уже высказывавшихся въ печати, которые видятъ въ наказѣ лишь обычный, блѣдный и слабый продуктъ бюрократически-канцелярскаго писательства. Я готовъ признать, что наказъ самъ по себѣ, при всѣхъ своихъ частныхъ дефектахъ, разработанъ, въ общемъ, добросовѣстно и обстоятельно, я готовъ видѣть въ немъ проявленія извѣстной благожелательности, въ тѣхъ, конечно, предѣлахъ, въ какихъ послѣдняя возможна при «непремѣнномъ условіи сохраненія законныхъ правъ частныхъ владѣльцевъ». Но, повторяю, суть дѣла не въ томъ, что и какъ написано въ наказѣ, а въ томъ, кто будетъ дѣйствовать на основаніи изложенныхъ въ немъ указаній, что такое сами землеустроительныя комиссіи.

По указу 4 марта уѣздныя комиссіи состоятъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ предсѣдателя уѣздной земской управы, который является замѣстителемъ предсѣдателя, ряда уѣздныхъ чиновниковъ, не исключая земскаго начальника соотвѣтствующаго участка; затѣмъ, въ качествѣ представителей «всѣхъ мѣстныхъ силъ»—изъ трехъ членовъ по избранію уѣзднаго земскаго собранія и трехъ представителей отъ крестьянъ, назначаемыхъ по жребію изъ числа кандидатовъ, избираемыхъ воло-

---

[1]) Этого вопроса я касаюсь лишь вскользь, потому что онъ достаточно освѣщенъ въ моемъ докладѣ о продажѣ казенныхъ и удѣльныхъ земель и въ докладѣ Н. Н. Кутлера о крестьянскомъ банкѣ.

стными сходами уѣзда; наконецъ, въ качествѣ главной рабочей силы комиссіи—изъ особаго непремѣннаго члена, назначаемаго главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія. На первый взглядъ, землеустроительныя комиссіи по указу 4 марта очень похожи на уѣздныя комиссіи, какъ онѣ были намѣчены Н. Н. Кутлеромъ въ его извѣстномъ проектѣ: но... въ проектѣ Н. Н. Кутлера была тщательно избѣгнута всякая тѣнь упоминанія о предводителяхъ дворянства и о земскихъ начальникахъ, честь введенія которыхъ въ составъ комиссіи принадлежитъ всецѣло тому или другому изъ его многочисленныхъ преемниковъ. А разъ они введены, то уѣздная землеустроительная комиссія представляетъ собою уже не болѣе, какъ стараго нашего знакомаго—уѣздный съѣздъ, немножко перелицеванный, съ прибавленіемъ къ нему непремѣннаго члена и шести представителей «общественнаго элемента».

Что̀ такое, какъ типъ, члены комиссіи по должности,—что̀ такое предводитель дворянства, земскій начальникъ, что такое прочее уѣздное чиновничество, объ этомъ не стоитъ говорить. Я перейду, поэтому, непосредственно къ представителямъ общественнаго элемента. Это—три представителя отъ земства—отъ нынѣшняго, цензоваго, дворянско-землевладѣльческаго земства,—отъ того земства, которое въ послѣдніе мѣсяцы и недѣли такъ откровенно сорвало съ себя всевозможные фиговые листочки и такъ явно обнаружило свою дѣйствительную, чисто-классовую сущность. Представители отъ крестьянъ—это несомнѣнно представители отъ крестьянъ, но представители, назначаемые, по случайностямъ жеребьевки, изъ числа кандидатовъ, избираемыхъ волостными сходами, т. е. учрежденіями, въ которыхъ крестьянство, какъ всякій знаетъ, никогда не видѣло и не видитъ дѣйствительныхъ представителей своихъ взглядовъ и своихъ интересовъ; и если даже членами отъ крестьянъ, въ томъ или другомъ уѣздѣ, случайно попадутъ дѣйствительные представители взглядовъ и интересовъ всей массы мѣстнаго крестьянства, то голоса ихъ затеряются въ громадномъ большинствѣ дворянскихъ и чиновническихъ голосовъ.

При какихъ условіяхъ шли выборы земскихъ и крестьянскихъ представителей въ комиссіи,—объ этомъ мы находимъ въ повседневной печати лишь случайныя и далеко не исчерпывающія предмета свѣдѣнія, на основаніи которыхъ было бы слишкомъ смѣло дѣлать какія либо обобщенія. Мы много читали, и въ агентскихъ телеграммахъ, и въ газетныхъ корреспонденціяхъ, о фактахъ болѣе или менѣе рѣзкаго отказа крестьянъ, нѣсколько рѣже—земскихъ собра-

ній, отъ избранія членовъ въ землеустроительныя комиссіи,—немало читали и о мотивахъ подобнаго рода отказовъ. Пока работала дума, совершенно правильно указывалось, что «аграрный вопросъ въ настоящее время разрабатывается въ государственной думѣ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разрѣшенъ въ такихъ мертворожденныхъ учрежденіяхъ, какъ землеустроительныя комиссіи»; что земство «не можетъ работать по указаніямъ и программѣ того министерства, которому государственная дума выразила недовѣріе, когда сама дума уже взяла въ свои руки земельный вопросъ». Тотъ-же, по существу, основной мотивъ звучалъ, преимущественно въ крестьянскихъ отказахъ, и послѣ роспуска думы: крестьяне заявляютъ, что «посылать своихъ представителей въ чиновничьи комиссіи они уже не будутъ, а будутъ исполнять только постановленія государственной думы, что́ же касается земельнаго вопроса, то они полагаютъ, что его можетъ рѣшить только государственная дума, а не представители правительства, которому никто не вѣритъ»; на настоятельныя требованія начальства объ избранія членовъ въ комиссіи отвѣчаютъ: «ну, пусть какъ хотятъ съ нами поступаютъ, а что думу мы другую изберемъ, она разберетъ все». Отъ землеустроительныхъ комиссій, какъ не уполномоченныхъ государственною думой, не только не ожидаютъ никакой пользы, напротивъ—въ нихъ видятъ лишній тормазъ въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса, попытку обманнымъ образомъ обойти народныя желанія: «еще застежку придумали»—такіе голоса раздаются на сходахъ; «подозрѣваемъ обманъ, пишутъ крестьяне въ государственную думу, просимъ думу сообщить намъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ». Иногда такого рода опасенія принимаютъ нѣсколько наивную, хотя, конечно, оправдываемую условіями «русской дѣйствительности», форму: въ понужденіи къ выборамъ усматриваютъ способъ втихомолку провести выборъ новыхъ депутатовъ въ государственную думу, или просто «уловлять людей»: «мы, ваше б-діе,—говорятъ крестьяне земскому начальнику, выбрали вамъ лучшихъ и послали въ думу, а вы ихъ разогнали, вамъ они оказались плохи, такъ теперь нужно подумать еще, кого вамъ выбрать въ эту комиссію»; «выбрали одного депутата—говорятъ въ другомъ мѣстѣ,—да и то теперь непріятностей сколько: бѣдный, конопли нашей сколько потопталъ, хоронясь отъ полиціи». А другіе и не только «хоронились»: «выберешь вамъ хорошаго,—заявляютъ еще на одномъ сходѣ,—а вы его ночью украдете, какъ украли такого-то изъ такого-то села»...

Однако, такого рода указаній въ періодическую печать попало

не такъ много, и я, повторяю, никоимъ образомъ не рѣшился бы ни обобщать ихъ, ни—наоборотъ—признать сообщавшіеся печатью факты нехарактерными, имѣющими чисто-случайный, исключительный характеръ: во многихъ ли случаяхъ велись подобнаго рода рѣчи, или въ немногихъ; являются ли онѣ выраженіемъ дѣйствительно господствовавшаго на данномъ сходѣ настроенія, или подсказаны, какъ иногда заставляетъ предполагать самая редакція газетныхъ сообщеній, тѣми или другими отдѣльными представителями интеллигенціи или партійнаго крестьянства—для отвѣта на эти вопросы мы не имѣемъ объективныхъ данныхъ. Приходится, поэтому, просто считаться съ фактами: по офиціальнымъ даннымъ, которымъ, поскольку рѣчь идетъ именно о фактѣ, нельзя не придать полной вѣры, на 27 сентября положеніе дѣлъ представлялось въ такомъ видѣ: изъ 184 уѣздовъ, въ которыхъ на первую очередь организуются землеустроительныя комиссіи, выборы представителей отъ земствъ окончательно состоялись по 169 уѣздамъ, по 12 уѣздамъ земскія собранія окончательно отказались отъ избранія, по тремъ «выборовъ еще не было», какъ гласитъ офиціальная редакція. Что́ касается до крестьянскихъ представителей, то еще на 18 сентября они были избраны только по 118 уѣздамъ, частью избраны по 9, отказы послѣдовали по 14, «выборы еще не состоялись» по 43 уѣздамъ; повидимому, это значитъ, что въ 43 уѣздахъ кандидаты были выбраны лишь частью сходовъ, и потому не было возможности приступить къ жеребьевкѣ. Но въ немного дней положеніе замѣтно измѣнилось: на 27 сентября выборы окончательно состоялись уже по 144 уѣздамъ, отказы по всѣмъ сходамъ послѣдовали по 15 уѣздамъ, въ неопредѣленномъ положеніи дѣло оставалось уже только по 25 уѣздамъ.

Итакъ, въ значительномъ большинствѣ уѣздовъ выборы крестьянскихъ и земскихъ представителей въ комиссіяхъ состоялись или еще состоятся. Но, конечно, самый этотъ фактъ далеко не даетъ еще права на какія-либо благопріятныя для комиссіи заключенія, не свидѣтельствуетъ о наличности довѣрія къ комиссіямъ. Офиціально сообщается, что «нѣкоторыя земства, ранѣе отказывавшіяся отъ выборовъ, затѣмъ измѣнили свое рѣшеніе и произвели выборы». Самое естественное предположеніе, что такое быстрое измѣненіе во взглядахъ «нѣкоторыхъ земствъ» могло быть вызвано только административнымъ давленіемъ. И дѣйствительно—опять-таки изъ газетъ мы узнаемъ о случаяхъ, когда постановленія земствъ объ отказѣ отъ выборовъ отмѣнялись какъ противныя закону; когда предсѣда-

тели земскихъ собраній не допускали превій по вопросу о производствѣ или непроизводствѣ выборовъ, разъясняя, что собраніе должно избрать, а не рѣшать вопросъ объ избраніи; узнаемъ о тѣхъ «многократныхъ разъясненіяхъ», которыя давали земскіе начальники крестьянамъ относительно обязательности для нихъ избранія членовъ въ землеустроительныя комиссіи и той пользы, которой они могутъ ожидать отъ этихъ комиссій; о случаяхъ вызова говорившихъ противъ избранія крестьянъ въ уѣздный городъ для «надлежащаго» внушенія; о злоупотребленіяхъ, при «склоненіи» крестьянъ къ выбору, именемъ бывшихъ членовъ государственной думы, якобы совѣтующихъ крестьянамъ участвовать въ избраніи, и т. п. Въ однихъ случаяхъ административное воздѣйствіе на крестьянъ со стороны не только волостныхъ властей, но даже земскихъ начальниковъ, оставалось безрезультатнымъ, и земскимъ начальникамъ приходилось «подъ шумъ и свистъ» удаляться со сходовъ. Въ другихъ, наоборотъ, имѣются прямыя указанія на успѣшные результаты, достигнутые путемъ административнаго давленія: мы читаемъ о крестьянахъ, согласившихся произвести выборы подъ вліяніемъ угрозъ старшины «донести куда слѣдуетъ»; о земствахъ, избравшихъ представителей на вторично созванныхъ губернаторами собраніяхъ, послѣ отмѣны постановленій объ отказѣ и т. п. Опять-таки, сколько было такого рода случаевъ, насколько достовѣрны свѣдѣнія этого рода, появлявшіяся въ печати, объ этомъ нѣтъ возможности составить себѣ точнаго представленія; но не подлежитъ сомнѣнію, что административное давленіе сыграло извѣстную роль въ той «готовности», съ которою крестьяне и земства отнеслись къ призыву объ избраніи представителей въ комиссіи.

Уже изъ сказаннаго ясно, что голый фактъ избранія крестьянскихъ представителей въ комиссіи еще далеко не свидѣтельствуетъ о наличности довѣрія къ послѣднимъ въ крестьянской средѣ. Но мы имѣемъ въ данномъ направленіи и болѣе прямыя указанія, хотя и очень немногочисленныя, но все же заслуживающія вниманія. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне выбирали представителей, исходя изъ того соображенія, что «пока дума не работаетъ, народъ долженъ самъ обсудить земельное дѣло и передать его членамъ новой государственной думы въ готовомъ видѣ»—комиссіи предполагается значитъ, превратить въ что-то въ родѣ мѣстныхъ земельныхъ комитетовъ, какъ они были проектированы трудовою группою государственной думы. Есть указанія на то, что мѣстами крестьянскіе представители выбирались исключительно

для того, чтобы заявить протестъ противъ самого образованія комиссій и противъ ихъ состава, не удовлетворяющаго требованіямъ и интересамъ населенія. Я лично склоненъ думать, что мотивы того и другого рода сыграли свою роль въ сравнительно немногихъ случаяхъ и были подсказаны крестьянамъ, такъ или иначе, со стороны. Гораздо болѣе серьезное значеніе, по моему мнѣнію, имѣетъ другого рода мотивъ, мѣтко выраженный въ одной корреспонденціи: «это будетъ порехватка передъ настоящимъ обѣдомъ». Крестьяне не надѣются на комиссіи, не надѣются получить отъ нихъ всего того, что они надѣялись получить отъ государственной думы. Но... отчего же не получить «перехватки передъ настоящимъ обѣдомъ» — не взять, что можно, теперь, а остальное—потомъ? А главное—какъ не постараться, въ предѣлахъ возможности, оградить свои интересы именно путемъ посылки въ комиссіи крестьянскихъ представителей, которые, можетъ быть, и не смогутъ добиться того, чего хотятъ крестьяне, но могутъ, по крайней мѣрѣ, помѣшать не внушающему довѣрія землевладѣльческо-чиновничьему составу комиссій повести дѣло въ направленіи, слишкомъ явно невыгодномъ для крестьянъ и противорѣчащемъ ихъ интересамъ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ ничего фактическаго сказать и о качественномъ составѣ крестьянскихъ и земскихъ представителей, не можемъ сказать, кто именно попалъ, въ этой роли, въ составъ землеустроительныхъ комиссій. Въ повременной печати встрѣчаются на этотъ счетъ лишь совершенно единичныя, притомъ взаимно другъ друга исключающія сообщенія: по однимъ изъ послѣднихъ и отъ крестьянства, и отъ земствъ избираются ультра-реакціонные, по другимъ—явно-оппозиціонные элементы, напримѣръ крестьяне, только-что вышедшіе изъ тюрьмы. И если самый составъ и настроеніе современныхъ земствъ позволяютъ питать полную увѣренность въ томъ, что земскіе представители будутъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, носителями самыхъ опредѣленныхъ аграрно-дворянскихъ тенденцій (оппозиціонныя земства вѣдь отказывались отъ избранія!), то относительно крестьянскихъ представителей, мнѣ кажется, нѣтъ основанія высказать столь-же опредѣленныхъ предположеній. Мы ничего не знаемъ и о томъ, попали ли въ комиссіи, въ качествѣ представителей отъ крестьянъ, преимущественно должностныя лица, или рядовые крестьяне, представители много или малоземельныхъ обществъ, зажиточнаго меньшинства или рядового малосостоятельнаго крестьянства, и т. д. Повидимому, такого рода свѣдѣніями не располагаетъ и само главное управленіе

землеустройства и земледѣлія. Крестьянскіе представители представляютъ собою, такимъ образомъ, иксъ, и только одно можно сказать съ опредѣленностью: что каковъ бы ни былъ этотъ иксъ, онъ затеряется среди весьма опредѣленнаго подбора остальныхъ членовъ комиссій.

Наконецъ, непремѣнные члены по назначенію главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Само собою ясно, что роль этихъ непремѣнныхъ членовъ въ высшей степени важна, и въ качествѣ единственной, спеціально къ данному дѣлу приставленной и особо за то оплачиваемой рабочей силы, и въ качествѣ единственныхъ, въ составѣ мѣстной комиссіи, представителей центральнаго земельнаго управленія. Здѣсь не мѣсто входить въ теоретическія соображенія относительно желательной организаціи мѣстныхъ землеустроительныхъ учрежденій. Скажу только, что я лично, по мотивамъ, о которыхъ мнѣ уже приходилось говорить печатно, отнюдь не сторонникъ такъ называемой «демократической постановки» этихъ учрежденій, въ частности избранія всего состава ихъ мѣстнымъ населеніемъ по четырехчленной или какой-либо иной формулѣ. Я считаю, напротивъ, что въ мѣстныхъ учрежденіяхъ долженъ участвовать представитель центральной власти и полагаю, что этому представителю должно быть предоставлено гораздо болѣе способовъ ограждать общегосударственные интересы противъ односторонняго увлеченія мѣстнаго элемента мѣстными же нуждами и интересами исключительно мѣстнаго населенія.

Но... что такое тѣ непремѣнные члены, которые, въ концѣ концовъ, будутъ давать направленіе и тонъ всей дѣятельности землеустроительныхъ комиссій?..

Повременная печать даетъ пока, въ данномъ направленіи, лишь единичныя и совершенно случайныя указанія, изъ которыхъ я не могу обойти молчаніемъ только одно, совершенно невѣроятное, но, кажется, оставшееся пока неопровергнутымъ сообщеніе: что въ число непремѣнныхъ членовъ по Псковской губерніи назначено лицо, удаленное отъ должности земскаго начальника княземъ Б. А. Васильчиковымъ, въ бытность его псковскимъ губернаторомъ, и удаленное, конечно, не по политическимъ мотивамъ. Мы можемъ однако опереться въ данномъ случаѣ на нѣчто гораздо лучшее, нежели случайныя газетныя сообщенія: именно, исходить изъ данныхъ объ уже назначенныхъ непремѣнныхъ членахъ, опубликованныхъ въ приказахъ объ ихъ назначеніи. Эти данныя, конечно, неполны, они не даютъ всесторонней характеристики контингента

этихъ должностныхъ лицъ, въ частности почти не даютъ свѣдѣній объ ихъ образовательномъ цензѣ,—но за то они уже никакъ не могутъ быть заподозрѣны въ субъективности или тенденціозномъ подборѣ.

Я долженъ предварительно замѣтить, что я отлично сознаю, съ какими огромными трудностями главному управленію пришлось встрѣтиться при пріисканіи, разомъ, 184 непремѣнныхъ членовъ. Я въ теченіе ряда лѣтъ завѣдывалъ сравнительно небольшимъ личнымъ составомъ партій по нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ, въ составѣ которыхъ было до 50—60 поземельно-устроительныхъ должностей, требовавшихъ приблизительно аналогичной, хотя конечно во много разъ менѣе широкой и разнообразной, теоретической и практической подготовки, чѣмъ какой требуетъ должность непремѣннаго члена, этого главнаго работника и руководителя работъ землеустроительной комиссіи. И я слишкомъ хорошо помню, какую массу хлопотъ приходилось затрачивать, чтобы кое-какъ пополнять текущую убыль этого личнаго состава и постепенно—увы, слишкомъ постепенно!—повышать его средній качественный уровень; какъ для этого приходилось вступать въ переписку со своими личными знакомыми и ѣздить кланяться въ департаментъ полиціи. Во сколько же разъ труднѣе набрать сразу 184 человѣка непремѣнныхъ членовъ, да притомъ теперь, когда, съ одной стороны, очень многіе, и какъ разъ наиболѣе цѣнные, по подготовкѣ и по идейному отношенію къ дѣлу, работники вовсе не пойдутъ служить въ комиссіяхъ, да и вообще гдѣ бы то ни было, и когда, съ другой стороны, департаментъ полиціи съ особеннымъ рвеніемъ принялся за очистку кадровъ государственной службы отъ «неблагонадежныхъ элементовъ». И тѣмъ не менѣе, я долженъ сказать, что подборъ непремѣнныхъ членовъ хуже всего, чего можно было опасаться.

Мною подсчитаны данныя о 174 вновь назначенныхъ непремѣнныхъ членахъ, изъ которыхъ впрочемъ два уже уволены отъ должностей. Изъ этихъ 174 лицъ, прежде всего, оказалось 36 военныхъ и 138 гражданскихъ «чина». Затѣмъ, по ихъ непосредственно-предшествующей дѣятельности или общественному положенію 174 непремѣнныхъ члена распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Земскихъ начальниковъ—94 (sic), изъ нихъ 65 въ гражданскихъ и 29 въ военныхъ чинахъ.

Мировыхъ посредниковъ западныхъ губерній и комиссаровъ по

крестьянскимъ дѣламъ—все другія ипостаси того же земскаго начальника!—13.

Отставныхъ гражданскихъ чиновниковъ 18 и военныхъ 5.

Просто «дворянъ»—12.

Причисленныхъ и канцелярскихъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ 10.

Предсѣдателей и членовъ уѣздныхъ земскихъ управъ 3.

Почетныхъ мировыхъ судей 5.

Членовъ или засѣдателей дворянскихъ опекъ 2.

Затѣмъ, по одному: исправникъ, непремѣнный членъ губернскаго присутствія, правитель канцеляріи губернатора, помощникъ предводителя дворянства, секретарь уѣзднаго съѣзда, заступающій мѣсто городского головы, учительскій помощникъ, окончившій университетъ, членъ пріютскаго попечительства, чиновникъ переселенческаго управленія, коллежскій ассесоръ, младшій спеціалистъ по сельскохозяйственной части и три ученыхъ агронома, изъ которыхъ одинъ, впрочемъ, уже уволенъ отъ службы.

Такимъ образомъ институтъ земскихъ начальниковъ съ мировыми посредниками и т. д. далъ землеустроительнымъ комиссіямъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 107 непремѣнныхъ членовъ — 62% или почти двѣ трети всего числа, о которымъ опубликованы приказы. Я оставлю въ сторонѣ такіе элементы, какъ исправникъ, правитель канцеляріи губернатора, причисленные къ разнымъ канцеляріямъ, хотя и такого рода квалификаціи даютъ право на не особенно благопріятныя заключенія относительно степени подготовленности къ исполненію землеустроительныхъ функцій. Но если мы къ 107 земскимъ начальникамъ прибавимъ 12 «дворянъ», 3 лицъ служившихъ по дворянскимъ выборамъ, 5 почетныхъ мировыхъ судей, члена пріютскаго попечительства и, вѣроятно, значительную часть тѣхъ лицъ, которыя значатся отставными военными или гражданскими чинами, то станетъ совершенно ясно: во 1-хъ, что средній уровень подготовленности вновь назначенныхъ непремѣнныхъ членовъ совершенно не соотвѣтствуетъ трудности и сложности лежащихъ на комиссіяхъ землеустроительныхъ функцій; во 2-хъ, что громадное большинство непремѣнныхъ членовъ явится фактически не представителями, какъ слѣдовало бы, центральной государственной власти, не носителями общегосударственной идеи и общегосударственнаго интереса, а представителями все того же «первенствующаго въ имперіи сословія», все того-же дворянско-земледѣльческаго класса, который и безъ того въ избыткѣ предста-

вленъ и частью членовъ по должности, и членами отъ земствъ, и въ 3-хъ, что вообще, непремѣнные члены, неизбѣжно внесутъ въ дѣятельность комиссій достославныя традиціи достославнаго института земскихъ начальниковъ, который оказался, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, самымъ надежнымъ и достойнымъ правительственнаго довѣрія поставщикомъ непремѣнныхъ членовъ.

И еще одна маленькая подробность: изъ 102 лицъ [1]), бывшихъ до назначенія должности непремѣнныхъ членовъ, земскими начальниками, служившихъ по земству или по дворянскимъ выборамъ, носившихъ званіе почетныхъ мировыхъ судей и т. п., вообще явно связанныхъ, въ своемъ предшествующемъ служебномъ положеніи съ опредѣленною мѣстностью, 81 или 80% назначены непремѣнными членами въ тѣхъ же уѣздахъ, гдѣ они служили до того, 19—въ другихъ уѣздахъ той же губерніи, только два—въ другихъ губерніяхъ. На первый взглядъ это даже очень хорошо: значитъ, непремѣнными членами назначались люди, знакомые съ мѣстными условіями. Но вопросъ придется поставить совершенно иначе, если вспомнить, что должностныя лица всѣхъ перечисленныхъ категорій, по самому существу своихъ должностей, назначались или избирались изъ мѣстнаго дворянства и въ громадномъ большинствѣ владѣютъ землей въ уѣздѣ: очевидно, оставленные, въ роли непремѣнныхъ членовъ, въ прежнихъ своихъ уѣздахъ они будутъ не только носителями общей, сословно-дворянской идеи или общаго землевладѣльческо-классоваго интереса, а—что еще гораздо хуже—они будутъ представителями именно мѣстнаго земельнаго дворянства, значитъ, представителемъ одной изъ тѣхъ двухъ сторонъ, дѣла которыхъ придется разбирать землеустроительнымъ комиссіямъ.

Итакъ, вотъ что такое землеустроительная комиссія, съ ея членами по должностямъ и по избранію, съ ея непремѣнными членами, этими довольно-таки своеобразными представителями общаго государственнаго начала. И отъ этихъ комиссій ожидаютъ всесторонняго статистическаго обслѣдованія мѣстнаго землевладѣнія, ожидаютъ выработки общихъ плановъ землеустроительныхъ мѣропріятій въ уѣздѣ, распространенія среди крестьянъ свѣдѣній о возможныхъ способахъ улучшенія ихъ быта, посредничества въ такихъ сложныхъ и тонкихъ дѣлахъ, какъ улучшеніе формъ пользованія надѣльными землями или устраненія граничныхъ неудобствъ и общности поль-

[1]) Для остальныхъ соотвѣтственный подсчетъ не сдѣланъ.

зованія крестьянъ съ сосѣдними владѣльцами. Отъ нихъ, повидимому, ожидаютъ способности разбираться во всей совокупности взаимно-противорѣчивыхъ мѣстныхъ и немѣстныхъ, крестьянскихъ и общегосударственныхъ интересовъ, ожидаютъ безпристрастія при разборѣ и направленіи дѣлъ, гдѣ будутъ заинтересованы, съ одной стороны, крестьяне, а съ другой—помѣстные землевладѣльцы,—эта плоть отъ плоти тѣхъ настоящихъ, бывшихъ и будущихъ земскихъ начальниковъ и просто «дворянъ», которые будутъ вертѣть всѣмъ дѣломъ въ землеустроительныхъ комиссіяхъ. Само собою ясно, что эти надежды, если онѣ у кого нибудь и есть!—не имѣютъ никакихъ шансовъ на осуществленіе, и напротивъ: есть всѣ данныя для увѣренности, что комиссіи сдѣлаютъ все, что можно сдѣлать въ интересахъ своего родного землевладѣльческаго класса. Недаромъ одна изъ тѣхъ немногихъ комиссій, о дѣятельности которыхъ появились въ печати свѣдѣнія,—могилевская, начала свою дѣятельность съ того, что потребовала себѣ безконтрольнаго, даже безъ вмѣшательства крестьянскаго банка, права устанавливать цѣны подлежащихъ покупкѣ владѣльческихъ земель. Хорошія, надо думать, будутъ эти цѣны, и при такихъ цѣнахъ гг. помѣщики, пожалуй, не откажутся и отъ принудительнаго отчужденія...

Правда, составители наказа очень заботятся о томъ, чтобы обезпечить заинтересованному населенію возможность непосредственнаго участія и въ засѣданіяхъ комиссій, и въ подготовительныхъ и исполнительныхъ землеустроительныхъ дѣйствіяхъ, какъ-то въ составленіи проектовъ разбивки имѣній и казенныхъ оброчныхъ статей на отдѣльные участки, проектовъ разверстаній, обмѣновъ и т. п.; мало того—примѣръ, кажется, небывалый въ нашей административной практикѣ—наказъ обязываетъ комиссію отстранять исполнителей поземельно-устроительныхъ работъ, которымъ не удается прійти къ соглашенію съ населеніемъ, и замѣнять ихъ другими исполнилями. Но... о какомъ можно думать непосредственномъ участіи крестьянъ, разъ въ комиссіи будутъ доминировать предводители дворянства и земскіе начальники, бывшіе или настоящіе, съ ихъ вѣками создавшимся отношеніемъ къ мужику, съ ихъ административными нравами и привычками?

И конечный выводъ совершенно ясенъ. Разъ таковы землеустроительныя комиссіи, самыя лучшія слова указовъ и наказовъ такъ и останутся словами. Въ лучшемъ случаѣ, они увеличатъ собою запасъ тѣхъ «добрыхъ намѣреній», которыми вымощенъ адъ. При данной организаціи землеустроительныхъ комиссій и данномъ

ихъ личномъ составѣ нѣтъ никакой надежды на то, чтобы землеустроительное дѣло было поведено мало-мальски удовлетворительно, даже въ тѣхъ предѣлахъ, какіе ставятся землеустройству требованіемъ «непремѣннаго сохраненія правъ частныхъ владѣльцевъ». Дѣятельность комиссій можетъ, въ общемъ, повести лишь къ безсмысленной ломкѣ народной жизни и къ безцѣльной растратѣ государственнаго земельнаго фонда (отчего не удовлетворить пошире и «своихъ» крестьянъ, разъ это можно сдѣлать за счетъ казны и не въ ущербъ гг. владѣльцамъ!); эта дѣятельность только свяжетъ будущее народное представительство, поставитъ только новыя преполы планомѣрному осуществленію болѣе широкой земельной реформы, и потому самое лучшее пожеланіе, которымъ я и закончу свой докладъ, можетъ сводиться только къ одному: чтобы комиссіи оказались какъ можно менѣе дѣятельными, еще лучше—вовсе бездѣятельными; чтобы хорошія слова составителей наказа такъ и остались на бумагѣ. Ибо лучше, чтобы хорошія слова остались хорошими словами, чѣмъ чтобы они претворились, на дѣлѣ, въ плохую дѣйствительность.

II. Современная дѣятельность крестьянскаго банка и ея значеніе.

Роспускъ государственной думы повлекъ за собою отсрочку въ разрѣшеніи самаго неотложнаго вопроса русской жизни — вопроса земельнаго. Но вопросъ этотъ не только отсроченъ; самая постановка его должна нѣсколько видоизмѣниться вслѣдствіе происходящихъ перемѣнъ въ распредѣленіи земельной собственности. Уже послѣ роспуска думы состоялись узаконенія о продажѣ крестьянамъ земель казенныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и крестьянскій банкъ развилъ за послѣднее время усиленную дѣятельность, не только способствуя крестьянамъ въ покупкѣ земли у частныхъ владѣльцевъ, но и самъ скупая помѣщичьи имѣнія. При такомъ положеніи дѣлъ представляется чрезвычайно важнымъ отдать себѣ полный и точный отчетъ, къ чему приводитъ дѣятельность банка,— способствуетъ ли она или препятствуетъ желательнымъ измѣненіямъ въ распредѣленіи земельной собственности, подготовляетъ ли необходимую земельную реформу, или, напротивъ, является лишнимъ препятствіемъ къ ея осуществленію.

Переоцѣнка дѣятельности крестьянскаго банка по новѣйшимъ даннымъ представляется необходимою уже потому, что самыя основанія ея подверглись рѣшительному измѣненію съ изданіемъ Высочайшаго указа 3 ноября 1905 г. До этого времени банкъ могъ покупать земли на свое имя не иначе, какъ за счетъ собственнаго капитала, образовавшагося путемъ отчисленія извѣстной доли поступленія выкупныхъ платежей. Это ограниченіе было, тѣмъ болѣе, существеннымъ, что на счетъ того же капитала покрывались и потери банка отъ реализаціи выпускавшихся имъ въ обращеніе свидѣтельствъ для выдачи ссудъ. 3 ноября 1905 г. банкъ пріобрѣлъ право выпускать свидѣтельства и для покупки земель за свой счетъ. Впослѣдствіи банкъ избавился и отъ курсовыхъ потерь, перейдя къ выдачѣ ссудъ и расплатѣ съ продавцами имѣній выпу-

скаемыми имъ %-ми бумагами, вмѣсто наличныхъ денегъ. Такимъ образомъ, отпали и юридическія, и фактическія ограниченія дѣятельности банка по покупкѣ имѣній за свой счетъ, и эта операція, имѣвшая ранѣе второстепенное значеніе въ дѣятельности банка, выдвинулась на первый планъ. Важныя измѣненія произошли и въ ссудной операціи, ибо банкъ пріобрѣлъ право, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, выдавать ссуды свыше ранѣе установленнаго предѣла (до 90% оцѣнки)—въ размѣрѣ до полной оцѣнки закладываемыхъ ему земель.

На основаніи собранныхъ мною, въ центральномъ управленіи банка, свѣдѣній, ходъ операцій его за послѣднее время представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Общее количество предложенныхъ банку къ покупкѣ земель по Европейской Россіи съ сѣвернымъ Кавказомъ и Царству Польскому, за время съ 3-го ноября 1905 г. по 1 августа 1906 г., простирается до 5.741,379 десятинъ. Изъ этого числа 641,872 дес. предложены продавцами безъ обозначенія цѣны; остальныя 5.190,507 дес. предлагаются за 659.799,845 р., или по 127 р. за десятину.

Распредѣленіе предлагаемыхъ къ покупкѣ банку имѣній по губерніямъ неравномѣрно. Совсѣмъ не имѣется предложеній по тремъ прибалтійскимъ губерніямъ, на которыя дѣятельность банка до послѣдняго времени не распространялась, по архангельской и олонецкой губерніямъ, гдѣ почти нѣтъ частнаго владѣнія, а также по губерніямъ ставропольской и плоцкой. Весьма незначительны предложенія по всѣмъ вообще губерніямъ Царства Польскаго (32 имѣнія съ 14,688 дес.), сѣверному Кавказу (23 имѣнія, 53 тыс. дес.), по вологодской, вятской или пермской губерніямъ (24 им., 62 тыс. дес.). Затѣмъ, немного сравнительно предложеній по тремъ приозернымъ губерніямъ (221 им., 391 тыс. дес.), тремъ литовскимъ (169 им., 165 тыс. дес.) и по центральнымъ промышленнымъ, кромѣ костромской, смоленской и нижегородской (всего по 8 губерніямъ—504 им. и 474,640 дес., а по тремъ поименованнымъ—314 им. и 324 тыс. дес.). Напротивъ, особенно значительнымъ предложеніемъ имѣній къ продажѣ отличаются губерніи среднія приволжскія (самарская—354 имѣн., 636 тыс. дес., саратовская—327 им., 462 тыс. дес.), южныя (особенно херсонская—231 им., 258 тыс. дес.), малороссійскія (харьковская—244 им., 174 тыс. дес., черниговская—177 им., 112 т. д., полтавская—249 им., 106 т. дес.), юго-западныя (въ особенности волынская—100 им., 178 т. дес.) и бѣлорусскія (минская—85 им., 500 т. дес., витебская—108 им., 177 т. дес.). Изъ среднихъ чер-

ноземныхъ губерній весьма значительно предложеніе по пензенской [1]) (229 им., 176 т. дес.), ничтожно по рязанской (5 имѣн., 12 т. дес.); въ остальныхъ средне-черноземныхъ губерніяхъ количество предлагаемыхъ къ покупкѣ имѣній и земель не выдѣляется особенно ни въ ту, ни въ другую сторону.

Усиленное предложеніе земель въ Западномъ краѣ (кромѣ трехъ литовскихъ губерній) находится, повидимому, въ зависимости отъ тѣхъ искусственныхъ мѣръ, которыя принимались правительствомъ съ шестидесятыхъ годовъ для насажденія тамъ русскаго землевладѣнія: это землевладѣніе, имѣющее спекулятивный характеръ, при первомъ удобномъ случаѣ стремится ликвидироваться. Что касается прочихъ мѣстностей, то предложеніе частновладѣльческихъ земель къ продажѣ находится въ несомнѣнной связи съ крестьянскимъ движеніемъ и погромами частновладѣльческихъ имѣній губерніи саратовская и самарская, малороссійскія и отчасти новороссійскія— это тѣ именно мѣстности, гдѣ частное владѣніе претерпѣло за послѣднее время особенно много бѣдствій. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ среднихъ земледѣльческихъ губерніяхъ, гдѣ частное хозяйство также существенно пострадало (воронежская, курская, тамбовская) особенно значительнаго предложенія имѣній къ продажѣ не замѣчается. Отчасти продажи банку замѣняются здѣсь продажами непосредственно крестьянамъ; съ другой стороны, препятствіемъ къ продажѣ имѣній банку является здѣсь чрезмѣрная высота продажныхъ цѣнъ на землю, которымъ не соотвѣтствуютъ цѣны, предлагаемыя крестьянскимъ банкомъ.

Сопоставленіе площади земель, предложенныхъ крестьянскому банку къ покупкѣ, съ общею площадью частнаго владѣнія [2]) приводитъ къ заключенію, что съ особою интенсивностью частное землевладѣніе стремится къ ликвидаціи (не считая астраханской губ.,

---

[1]) По статистикѣ крестьянскаго банка пензенская губ., вмѣстѣ съ казанской, саратовской, симбирской и уфимской, отнесена къ восточнымъ; губерніи самарская, оренбургская и астраханская выдѣлены въ группу юго-восточныхъ; къ центральнымъ земледѣльческимъ отнесены воронежская, курская, орловская, рязанская, тамбовская и тульская.

[2]) Данныя о площади частнаго землевладѣнія взяты мною изъ III выпуска статистики долгосрочнаго кредита въ Россіи. Изъ общей площади частнаго владѣнія, показанной въ этомъ изданіи, я исключалъ земли, заложенныя въ крестьянскомъ банкѣ. Эти данныя, конечно далеки отъ точности и пригодны лишь для огульныхъ выводовъ. Въ счетъ земель частнаго владѣнія входятъ и земли, купленныя крестьянами (кромѣ заложенныхъ въ крестьянскомъ банкѣ).

гдѣ это владѣніе ничтожно) лишь въ трехъ губерніяхъ: самарской, саратовской и пензенокой, гдѣ крестьянскому банку предложено къ покупкѣ около $^1/_5$ всей площади частновладѣльческихъ земель. По минской губ. это отношеніе падаетъ до 12 проц., харьковской — до 11 проц.; въ остальныхъ губерніяхъ оно ниже 10 проц. Въ среднемъ выводѣ по 47 губерніямъ Европейской Россіи предложено крестьянскому банку къ покупкѣ около 6 проц. всей площади частнаго владѣнія. При современныхъ, исключительно тяжелыхъ для частныхъ землевладѣльцевъ условіяхъ, приведенныя цифры не могутъ быть признаны очень значительными. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ первую очередь предлагаютъ крестьянскому банку свои имѣнія лица, находящіяся въ столь затруднительномъ положеніи, что и при отсутствіи спроса на земли со стороны банка ликвидація ихъ имѣній была бы неизбѣжна. Въ дальнѣйшемъ. вѣроятно предложеніе имѣній банку должно уменьшиться. Но даже не предполагая такого уменьшенія, нельзя не признать, что переходъ всѣхъ или большей части частновладѣльческихъ земель во владѣніе банка потребуетъ, судя по опыту текущаго года, довольно продолжительнаго времени. Данныя, приводимыя ниже, подкрѣпляютъ этотъ выводъ. Изъ общаго числа 4,235 предложеній о покупкѣ имѣній до 1 августа совѣтомъ банка разсмотрѣно 1,459 или около $^1/_3$. По 44 дѣламъ затребованы дополнительныя свѣдѣнія или предложеніямъ дано иное направленіе; изъ остальныхъ 1,445 разсмотрѣнныхъ совѣтомъ предложеній отвергнуто 218 или 15 проц. Преобладающимъ мотивомъ для отклоненія предложеній является преувеличенность продажной цѣны; встрѣчаются и другіе поводы—неудобство имѣній для крестьянскаго пользованія, достаточная земельная обезпеченность сосѣдняго населенія, спорность правъ продавца и т. д. Затѣмъ въ 1,197 случаяхъ совѣтъ банка разрѣшилъ покупку имѣній всего въ количествѣ 1.711,153 дес. Наибольшее количество земли разрѣшено купить въ губерніяхъ: саратовской—217 т. д., самарской—174 т. д., херсонской—150 т. д., астраханской—123 т. д. Далѣе слѣдуютъ губерніи: витебская—77 т. д., таврическая—75 т. д., полтавская—70 т. д., пензенская—61 т., воронежская—60 т., харьковская—54 т., бессарабская—48 т., донская обл.—47 т. екатеринославская—42 т., тамбовская—38 т., псковская—31 т. Въ остальныхъ мѣстностяхъ площадь разрѣшенной къ покупкѣ банкомъ земли гораздо менѣе значительна. Изъ сопоставленія площадей предложенной и разрѣшенной къ покупкѣ земли можно заключить, что банкъ отдаетъ предпочтеніе предложеніямъ по приволжскимъ, среднимъ чер-

неземнымъ, малороссійскимъ и южнымъ губерніямъ, откладывая на второй планъ предложенія изъ Западнаго края, но разумѣется ходъ дѣла въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ случайности. Соглашеніе съ продавцами (на предложенную банкомъ цѣну) до 1 августа состоялось лишь на 707 тыс. дес.

Такимъ образомъ, несмотря на несомнѣнное напряженіе силъ администраціи банка, переходъ частновладѣльческихъ земель къ банку отнюдь не отличается исключительною быстротою. Существующій порядокъ разрѣшенія дѣлъ и механизмъ производства ихъ оказываются слишкомъ мало приспособленными къ возложенной на банкъ грандіозной задачѣ.

Если даже считать всѣ имѣнія, о покупкѣ коихъ банкъ вошелъ въ соглашеніе съ прежними владѣльцами, уже пріобрѣтенными банкомъ, то окажется, что только въ 8 губерніяхъ покупки банка достигли крупныхъ размѣровъ: астраханской—124 тыс. дес., саратовской—97 тыс., самарской—84 тыс. витебской—66 тыс., херсонской—50 тыс., таврической—39 тыс., воронежской—30 тыс. и полтавской—$22^1/_2$ тыс. дес. Астраханскую губернію нельзя принимать разсчетъ: здѣсь крестьянскимъ банкомъ пріобрѣтено у государственнаго одно очень крупное имѣніе не сельско-хозяйственнаго типа. Изъ остальныхъ поименованныхъ губерній, въ саратовской крестьянскимъ банкомъ пріобрѣтено около 6% всей площади частнаго владѣнія, витебской $3^1/_2$%, самарской $2^1/_2$%, въ прочихъ—еще гораздо меньше. Наконецъ, во всѣхъ остальныхъ, кромѣ названныхъ восьми губерній, банкомъ приторговано всего 192 тыс. дес., т. е. совершенно ничтожная доля частновладѣльческой земли. Нельзя, однако, не принять во вниманіе, что банкъ только въ сравнительно недавнее время получилъ возможность разрѣшать вопросы о покупкѣ имѣній: въ началѣ разсматриваемаго періода приходилось большею частью лишь принимать заявленія, производить осмотры и оцѣнки, вообще, изслѣдовать выгодность предложеній.

Изъ общаго числа 1.711.153 дес., на покупку которыхъ послѣдовало разрѣшеніе совѣта крестьянскаго банка, 1.578.308 дес. оцѣнены имъ въ 186.167.987 руб. или по 118 руб. за десятину. Судя по свѣдѣніямъ о дѣлахъ, разрѣшенныхъ банкомъ съ 3 іюля, банкъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ соглашается на цѣну продавца, большею же частью понижаетъ ее, иногда весьма значительно;—процентовъ на 30—50. Тѣмъ не менѣе и оцѣнки банка представляются очень высокими.

Такъ какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ цѣна имѣнія можетъ находиться въ слишкомъ большой зависимости отъ случайныхъ причинъ, то разсмотрѣніе предложенныхъ банкомъ цѣнъ въ дальнѣйшемъ из-

ложеніи ограничено тѣми лишь губерніями, гдѣ банкомъ пріобрѣтаются значительныя площади земли—свыше 10 тыс. дес. Конечно, и по этимъ губерніямъ заключеніе объ оцѣнкѣ банкомъ земель не можетъ быть строго опредѣленнымъ безъ знакомства съ особенностями каждаго отдѣльнаго имѣнія, такъ какъ нынѣ покупаемыя банкомъ земли могутъ существенно отличаться отъ тѣхъ, до которыхъ относятся сдѣлки прежняго времени; но приблизительный выводъ, насколько дорого банкъ платитъ за земли, возможенъ во всякомъ случаѣ.

Пользуясь обзоромъ дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка за 1883—1904 г.г., гдѣ [1]) приведены свѣдѣнія о покупныхъ цѣнахъ на земли по всѣмъ вообще покупкамъ до 1902 г. и по покупкамъ, сдѣланнымъ при посредствѣ крестьянскаго банка до 1903 г., можно сличить цѣны, нынѣ предлагаемыя банкомъ за продаваемыя ему земли, съ тѣми цѣнами, которыя стояли въ началѣ текущаго десятилѣтія. Было бы, конечно, желательно воспользоваться свѣдѣніями и за позднѣйшіе годы, но разработанныхъ статистическихъ данныхъ о продажныхъ цѣнахъ на землю по всѣмъ вообще сдѣлкамъ за это время нѣтъ; данныя о сдѣлкахъ, совершившихся за 1904 и 1905 годы, при посредствѣ крестьянскаго банка, не удобосравнимы съ такими же данными за 1900—1903 г.г.: дѣятельность банка за два послѣдніе года, по случаю войны, мѣстами почти пріостановилась и вездѣ вообще имѣла нѣсколько исключительный характеръ.

Сопоставленіе цѣнъ, нынѣ уплачиваемыхъ банкомъ за покупаемыя имъ земли, съ цѣнами начала текущаго десятилѣтія приведено въ слѣдующей таблицѣ:

Губерніи.	Цѣны [2]) земли въ рубл. за дес. По всѣмъ вообще сдѣлкамъ за 1900—1902 гг.	По сдѣлкамъ при посредствѣ крестьянскаго банка. 1900—1903 гг.	1903 г.	Нынѣшняя цѣна банка.
Псковская	47	86	100	76
Гродненская	61	85	95	95

[1]) Стр. 263 и слѣд. Данныя о цѣнахъ по всѣмъ вообще сдѣлкамъ, какъ основанныя на показаніяхъ крѣпостныхъ документовъ, должны считаться нѣсколько пониженными противъ дѣйствительности.

[2]) Среднія цѣны выведены простымъ ариѳметическимъ способомъ изъ среднихъ годовыхъ. Грубость этого пріема оправдывается тѣмъ, что всѣ выводы о цѣнахъ могутъ имѣть значеніе лишь приблизительныхъ.

Витебская	55	82	100	48
Нижегородская . . .	51	77	89	82
Смоленская	65	87	96	88
Воронежская	113	115	122	128
Курская	149	164	171	179
Орловская	124	143	161	139
Тамбовская	116	134	135	152
Полтавская	156	190	202	212
Харьковская	137	144	173	171
Черниговская . . .	99	133	144	137
Волынская	74	106	127	129
Кіевская	128	156	184	173
Подольская	181	173	193	207
Бессарабская	147	158	153	193
Донская	83	87	103	116
Екатеринославская .	154	152	157	133
Таврическая	121	142	132	158
Херсонская	152	156	179	186
Казанская	75	76	80	67
Пензенская	92	83	67	117
Саратовская	90	93	100	107
Симбирская	72	85	90	111
Уфимская	32	35	35	54
Оренбургская . . .	28	32	42	37
Самарская	50	60	73	85

Изъ таблицы видно, что цѣны, назначаемыя банкомъ за предложенныя ему къ покупкѣ имѣнія, значительно выше какъ среднихъ продажныхъ начала десятилѣтія, такъ и среднихъ цѣнъ по покупкамъ 1900—1903 гг. при содѣйствіи банка. Нѣсколько ближе современныя цѣны къ цѣнамъ по сдѣлкамъ (при содѣйствіи банка) за одинъ 1903 г.; но и эти послѣднія цѣны въ 15 губерніяхъ изъ 27 оказываются болѣе низкими, чѣмъ нынѣ уплачиваемыя банкомъ. Повидимому, банкъ уплачиваетъ продавцамъ въ большей части случаевъ цѣну, близкую къ рыночной [1]) послѣдняго времени; эта же послѣдняя, несмотря на войну и экономическія бѣдствія, не пере-

[1]) Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что на цѣну покупаемыхъ банкомъ имѣній вліяетъ стоимость строеній и другихъ принадлежностей, которая можетъ замѣтно повышать подесятинную расцѣнку.

ставая расти, въ 1905-мъ году въ большей части губерній превышала цѣны 1903 года.

Такимъ образомъ, сыплящіяся на банкъ со стороны землевладѣльцевъ нареканія за пониженіе земельныхъ цѣнъ оказываются совершенно незаслуженными; напротивъ, слѣдуетъ признать, что банкъ охотно идетъ навстрѣчу требованіямъ продавцовъ въ ущербъ прямому своему назначенію—помогать крестьянамъ. Не подлежитъ во всякомъ случаѣ сомнѣнію, что тѣ цѣны, которыя крестьянскій банкъ предлагаетъ частнымъ землевладѣльцамъ, не отвѣчаютъ представленію о справедливой цѣнѣ, предлагаемой прогрессивными партіями для вознагражденія землевладѣльцевъ при принудительномъ отчужденіи ихъ земель.

Надо, разумѣется, принять во вниманіе, что банкъ расплачивается съ продавцами не наличными деньгами, а 5-процентными свидѣтельствами или записями, приносящими 6-процентный доходъ. Послѣднія не котируются на биржѣ, но частныя сдѣлки на нихъ бывали по весьма разнообразнымъ цѣнамъ; временами курсъ падалъ почти на 25% ниже номинальной стоимости записей; что касается 5-проц. свидѣтельствъ банка, то они съ трудомъ и въ небольшомъ количествѣ помѣщаются на биржѣ по цѣнамъ много низшимъ, чѣмъ другія 5%-ныя государственныя бумаги; по мѣрѣ дальнѣйшихъ выпусковъ этихъ бумагъ курсъ ихъ долженъ еще понизиться.

Но отъ того, что продавцы земель получаютъ въ дѣйствительности гораздо меньше, чѣмъ номинально имъ причитается, не пріобрѣтаютъ никакой выгоды ни банкъ, который долженъ уплачивать проценты съ полной нарицательной цѣны выпущенныхъ имъ бумагъ, ни крестьяне, которымъ, при современной постановкѣ дѣятельности банка — на коммерческихъ основаніяхъ, предстоитъ пріобрѣтать имѣнія отъ банка, уплачивая всю номинальную продажную ихъ цѣну.

Крестьянскій банкъ до настоящаго времени ограничивался лишь накопленіемъ земельнаго запаса. Съ 3 ноября 1905 г. по 1 августа настоящаго изъ принадлежащихъ банку земель продано крестьянамъ всего 12,886 дес., причемъ 12,033 дес.—изъ имѣній, купленныхъ въ болѣе раннее время, а изъ вновь пріобрѣтенныхъ земель распродано всего 855 дес. Ликвидаціи купленныхъ банкомъ земель нельзя ожидать и въ ближайшемъ будущемъ. Даже въ прежнее время, когда банкъ пріобрѣталъ земли за свой счетъ въ самомъ небольшомъ количествѣ, ликвидація купленныхъ имѣній длилась довольно долго. Теперь же скорая ликвидація сдѣлалась совершенно

невозможною. Всѣ личныя силы банка заняты дѣломъ пріобрѣтенія земель: осмотры, оцѣнки и другія дѣйствія, предшествующія покупкѣ имѣній, поглощаютъ все время служебнаго персонала банка. Какъ видно изъ предшествующаго изложенія, даже эта работа замедляется и во всякомъ случаѣ отстаетъ отъ предложенія имѣній къ покупкѣ, несмотря на напряженную дѣятельность чиновниковъ банка. Съ другой стороны, крестьяне во многихъ мѣстахъ не проявляютъ готовности быстро раскупать пріобрѣтенныя банкомъ земли. Въ большей части губерній народъ принялъ въ отношеніи пріобрѣтенія земель у банка выжидательное положеніе. Были, въ видѣ исключенія, случаи даже явно отрицательнаго отношенія крестьянъ къ покупкамъ банка.

Фактъ перехода имѣнія отъ частнаго лица къ банку не вноситъ крупныхъ измѣненій въ положеніе сосѣднихъ крестьянъ; въ общемъ, послѣдніе, вѣроятно, пріобрѣтаютъ нѣкоторыя выгоды, получая возможность нѣсколько увеличить площадь аренды по сходнымъ, сравнительно съ существующими въ мѣстности, цѣнамъ. Но какія именно категоріи крестьянъ пріобрѣтаютъ эти выгоды, тѣ ли крестьяне, которые нуждаются въ расширеніи землепользованія, или все вообще мѣстное населеніе—на этотъ вопросъ имѣющіяся у меня данныя не даютъ отвѣта. Одно несомнѣнно: землею пользуются сосѣдніе крестьяне. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ имѣніяхъ банка имѣется больше земли, чѣмъ сколько нужно окрестному населенію, весьма вѣроятны недоразумѣнія и затрудненія при ликвидаціи имѣній. Въ средѣ крестьянъ довольно распространенъ взглядъ, что банкъ пріобрѣтаетъ земли для передачи сосѣднимъ крестьянамъ; неограниченное пользованіе сосѣдей землями банка способно еще болѣе укрѣпить такое воззрѣніе; можно поэтому думать, что попытки банка продать излишекъ земли пришельцамъ изъ другихъ мѣстностей способны вызвать недовольство и даже противодѣйствіе окрестныхъ крестьянъ.

Наряду съ покупкой земель за свой счетъ крестьянскій банкъ за время съ 3 ноября 1905 г. продолжалъ и посредническую свою операцію по выдачѣ ссудъ крестьянамъ на покупку земель. По 1 августа этихъ ссудъ (включая и ссуды по 97 ст. устава банка—на покрытіе долговъ, сдѣланныхъ для пріобрѣтенія земли) разрѣшено 2624, на 84,446 домохозяевъ и 278,552 душъ, муж. пола, для покупки 469,421 дес. земли. Сравненіе этихъ данныхъ съ итогами посреднической дѣятельности банка въ годы наибольшаго ея развитія (1898—1903 гг.), когда ссудъ выдавалось въ годъ отъ 3.859 до 6.388, площадь же покупаемой крестьянами земли колебалась отъ

590 до 817 тыс. десятинъ [1]), приводитъ къ заключенію, что посредническія операціи банка въ текущемъ году не достигли прежняго размѣра: по разсчету времени, до 1 ноября общее число ссудъ можетъ достигнуть приблизительно 3,200, а количество десятинъ земли, для покупки которой ссуды выданы,—570 тыс. Сокращеніе ссудъ противъ прежняго времени тѣмъ болѣе существенно, что число крестьянъ, могущихъ прибѣгать къ помощи банка, увеличилось послѣ указа 3 ноября 1905 г., разрѣшившимъ банку выдачу ссудъ свыше 90 проц. оцѣнки земли, подъ которую ссуда выдается. Тѣмъ не менѣе объемъ посредническихъ операцій крестьянскаго банка и въ настоящее время значителенъ, что свидѣтельствуетъ о наличности въ крестьянской средѣ стремленія къ покупкѣ земли чрезъ банкъ.

Изъ общаго числа крестьянъ-покупщиковъ земли безземельные составляютъ около 10 проц., обезпеченные землею въ количествѣ до $1^1/_2$ дес. на душу м. п.—34 проц., обезпеченные $1^1/_2$—3 десят. на душу—25 проц., 3—6 дес.—22 проц.; наконецъ, 9 проц. покупщиковъ владѣло до покупки землею въ количествѣ свыше 6 дес. на душу [2]). Такимъ образомъ, безземельные и малоземельные крестьяне являются по числу преобладающими кліентами банка. Впрочемъ, около одной трети всѣхъ кліентовъ банка принадлежатъ къ категоріи крестьянъ, сравнительно обезпеченныхъ землею.

По размѣру выданныхъ ссудъ можно составить нѣкоторое представленіе объ имущественной состоятельности кліентовъ банка. Ссуды свыше 90 проц. оцѣнки получили 33,029 домохозяевъ на покупку 164,450 дес. земли, а до 90 проц. оцѣнки—51,135 домохозяевъ на покупку 301.383 дес. Отсюда можно заключить, что большая часть кліентовъ банка обладала нѣкоторыми денежными средствами. Это заключеніе подтверждается и данными о размѣрѣ доплатъ къ ссудамъ изъ собственныхъ средствъ покупщиковъ: первая категорія кліентовъ къ ссудѣ въ 22,928 т. р. доплатила за купленную землю 2,041 т. р. или 8 проц. оцѣнки, а вторая, получивъ ссуду 26,671 т. р., доплатила 10,092 т. р. или 27 проц. Столь значительная доплата могла быть внесена, очевидно, только сравнительно состоятельными крестьянами.

Разумѣется, крестьяне-покупщики земли могли получить извѣстныя льготы отъ продавцовъ земли, въ видѣ разсрочки доплаты

---

[1]) Обзоръ стр. 105.

[2]) Эти выводы основаны на данныхъ, относящихся до $^2/_5$ всего числа выданныхъ ссудъ. Сравнительно высокое земельное обезпеченіе крестьянъ-кліентовъ банка встрѣчается большею частью на окраинахъ.

или даже извѣстной скидки съ условленной продажной цѣны, и возможность такого рода льготъ ослабляетъ приведенный выводъ. Тѣмъ не менѣе, едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что крестьянскій банкъ въ настоящее время такъ же, какъ и ранѣе, помогаетъ большей частью крестьянамъ, обладающимъ нѣкоторою состоятельностью, наиболѣе же бѣдное крестьянство пользуется его помощью въ гораздо меньшей мѣрѣ.

Распредѣленіе выданныхъ ссудъ по мѣстностямъ представляетъ интересныя особенности. На западѣ, сѣверѣ и сѣверо-западѣ ссуды свыше 90 проц. почти отсутствуютъ. Въ этихъ районахъ немного также и ссудъ меньшаго размѣра (свыше 10 тыс. дес. куплены крестьянами по одной лишь псковской губ.—10.849). Незначительны посредническія операціи банка и по губерніямъ средне-промышленнымъ (на ссуды куплено отъ 1.308 дес. по московской до 8.195 дес. по нижегородской губ.), малороссійскимъ (въ каждой изъ трехъ— около 5 т. д.) и сѣвернаго Кавказа (около 8 т. д. на двѣ области и одну губернію). При этомъ во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ преобладаютъ (по площади купленной крестьянами землю) ссуды ниже 90 проц. Болѣе широка ссудная дѣятельность банка въ южныхъ губерніяхъ (площадь земли, купленной за счетъ ссудъ, колеблется отъ 3.336 до 43.351 дес. на губ., составляя въ среднемъ на губернію около 14 тыс. дес.), гдѣ ссуды ниже 90 проц. рѣшительно преобладаютъ надъ болѣе высокими. Въ шести среднихъ черноземныхъ губерніяхъ [1]) земли при помощи банковскихъ ссудъ пріобрѣтаются еще больше (въ среднемъ 20 т. дес. на губ.), причемъ почти одинаковое развитіе получили ссуды какъ выше, такъ и до 90 проц. (57 тыс. и 63 тыс. дес.). Но наиболѣе распространены ссудныя операціи въ приволжскихъ и восточныхъ губерніяхъ [2]), гдѣ пріобрѣтено крестьянами въ среднемъ по 24 т. д. на губернію, причемъ здѣсь большее значеніе (около $^3/_5$ всей пріобрѣтенной земли) получили ссуды свыше 90 проц. оцѣнки. Въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго района по губерніямъ положеніе дѣла иногда оказывается крайне неодинаковымъ. Такъ, напр., въ курской губерніи выдано ссудъ на пріобрѣтеніе всего 774 десятинъ; слабое развитіе

[1]) Воронежская, курская, орловская, рязанская, тамбовская и тульская.

[2]) Группа выдѣляемыхъ по статистикѣ крестьянскаго банка, подъ наименованіемъ „восточныя губерніи“: казанская, пензенская, саратовская, симбирская и уфимская губ. Къ ней я присоединилъ и самарскую губ.

получила ссудная операція и въ губерніяхъ тульской (6.054 десятинъ) и орловской (8.321 десятинъ), тогда какъ въ воронежской куплено крестьянами земли 18.594 дес., а въ тамбовской 74.631 д. На югѣ таврическая (13.117 дес.) губернія, а въ особенности донская область (43.351 дес.) отличаются крупными размѣрами крестьянскихъ земельныхъ покупокъ, тогда какъ въ херсонской и бессарабской губ. ссуды выданы на покупку весьма небольшихъ площадей (3.336 и 3.581 дес.). Въ восточномъ районѣ, вообще, преобладаютъ ссуды свыше 90 проц., а въ уфимской губ. наблюдается большой перевѣсъ ссудъ меньшаго размѣра. Колебанія по губерніямъ должны быть, повидимому, отнесены въ значительной степени на счетъ случайныхъ причинъ, порайонное же распредѣленіе ссудъ свидѣтельствуетъ о томъ, что крестьяне прибѣгаютъ къ ссудной помощи банка, съ одной стороны, въ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ въ среднихъ черноземныхъ и приволжскихъ губерніяхъ, наиболѣе ощущается земельное стѣсненіе, съ другой—тамъ, гдѣ до сихъ поръ еще сохранился наибольшій земельный просторъ (донская область, уфимская губ.). Въ первомъ случаѣ является большой спросъ на ссуды свыше 90 проц., во второмъ—покупателями являются сравнительно состоятельные крестьяне, берущіе ссуды меньшаго размѣра.

Средняя покупная цѣна десятины земли опредѣлилась въ 132 р., выше цѣны 1903 г. (108 руб.) на 22 проц. Наиболѣе высока эта цѣна въ Царствѣ Польскомъ—203 р. и въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ — 166 руб. за десятину. Затѣмъ высокія цѣны встрѣчаются въ Малороссіи (162 руб.), юго-западномъ краѣ (162 руб.) и въ южныхъ губерніяхъ (146 р.). Весьма высока сравнительно и цѣна въ восточномъ районѣ (97 р.).

Интересно сопоставить цѣны по ссуднымъ сдѣлкамъ съ цѣнами по покупкамъ банка.

Губерніи.	Цѣны покупки банка.	Въ рубляхъ ссудныя сдѣлки.
Псковская	76	71
Гродненская	95	84
Витебская	48	108
Нижегородская	82	110
Смоленская	88	100
Воронежская	128	153
Курская	179	184
Орловская	139	177

Тамбовская	152	176
Полтавская	212	140
Харьковская	171	203
Черниговская	137	141
Волынская	129	128
Кіевская	173	169
Подольская	207	225
Бессарабская	193	236
Донская	116	133
Екатеринославская	133	152
Таврическая	158	139
Херсонская	186	250
Казанская	67	93
Пензенская	117	111
Саратовская	107	119
Симбирская	111	113
Уфимская	54	65
Оренбургская	37	43
Самарская	85	98

Таблица эта показываетъ, что продажныя цѣны земли по сдѣлкамъ, совершеннымъ при содѣйствіи банка, еще выше тѣхъ цѣнъ, по которымъ банкъ пріобрѣтаетъ землю за свой счетъ: въ 20 губерніяхъ, изъ 27, первыя цѣны выше вторыхъ; исключенія изъ этого правила встрѣчаются большею частью тамъ, гдѣ ссудныя операціи банка производились въ незначительныхъ размѣрахъ. Подтверждая то положеніе, что развитіе ссудной банковой дѣятельности неизбѣжно ведетъ къ повышенію земельныхъ цѣнъ, приведенная таблица свидѣтельствуетъ и о тягости условій, на которыхъ крестьяне пріобрѣтаютъ земли при содѣйствіи банка. Сомнительно, чтобы не вѣйшіе заемщики банка, въ особенности получившіе ссуду свыше 90%, оказались впослѣдствіи исправными передъ банкомъ.

Среднее количество купленной при посредствѣ банка земли опредѣляется въ 5,5 дес. на домохозяина и въ 1,6 дес. на душу муж. пола. Эти нормы, конечно, очень умѣренны. По нѣкоторымъ губерніямъ земля пріобрѣтается крестьянами въ минимальномъ количествѣ: по воронежской, курской и подольской губ.—около $^3/_4$ дес. на душу, а по харьковской—даже $^1/_2$ дес. Здѣсь заемщики банка, вѣроятно, нуждаются въ дальнѣйшемъ расширеніи своего землепользованія. Напротивъ, средній размѣръ крестьянскихъ покупокъ срав-

нительно великъ на восточной и южной окраинахъ, въ особенности въ губерніяхъ оренбургской (21,6 дес. на домохозяина и 6,8 дес. на душу) и таврической (19,2 и 5,9). Мѣстами встрѣчаются крупныя нормы крестьянскихъ покупокъ и въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ преобладаютъ состоятельные покупатели; впрочемъ, въ виду слабой распространенности операцій банка въ этихъ мѣстностяхъ, среднія данныя по губерніямъ не даютъ основаній для обобщеній.

Какія же заключенія могутъ быть выведены изъ приведеннаго очерка современной дѣятельности крестьянскаго банка?

Операціи за собственный счетъ банка по покупкѣ помѣщичьихъ имѣній пока сводятся къ одному лишь накопленію земельнаго запаса. Для разрѣшенія вопросовъ, касающихся ликвидаціи этого запаса, напримѣръ, о томъ, кому продаются земли, какія формы землепользованія водворяются или покровительствуются банкомъ, современная дѣятельность банка не даетъ никакихъ матеріаловъ. Поглощенный всецѣло покупкою имѣній и не будучи въ состояніи справится съ выполненіемъ въ полномъ объемѣ и этой задачи, банкъ лишенъ возможности заняться ликвидаціею своихъ пріобрѣтеній. Нѣтъ основанія ожидать существенныхъ измѣненій въ современномъ положеніи дѣла и послѣ образованія мѣстныхъ землеустроительныхъ комиссій, по самому своему составу неспособныхъ внушить довѣріе населенію, а, слѣдовательно, проявить и сколько-нибудь успѣшную дѣятельность. Состоящія по преимуществу изъ земледѣльческаго элемента, эти комиссіи будутъ склонны, главнымъ образомъ, содѣйствовать помѣщикамъ въ скорѣйшей и выгоднѣйшей распродажѣ имѣній, не интересуясь ихъ дальнѣйшей судьбой. Подъ давленіемъ комиссій оцѣнки банка, вѣроятно, еще возрастутъ, покупки будутъ дѣлаться еще неразборчивѣе; но до ликвидаціи въ значительномъ объемѣ купленныхъ имѣній дѣло едва ли дойдетъ.

По этимъ соображеніямъ, оцѣнивая дѣятельность банка, можно пока говорить лишь о накопленіи имъ земельнаго запаса. Самъ по себѣ этотъ фактъ, конечно, заслуживаетъ положительнаго къ себѣ отношенія. Образованіе земельнаго запаса—какими бы способами оно ни производилось—требуетъ времени; подготовка запаса можетъ лишь ускорить въ будущемъ осуществленіе земельной реформы. Съ другой стороны, чѣмъ съ меньшими размѣрами частнаго владѣнія

придется считаться при реформѣ, тѣмъ меньше противодѣйствія оно можетъ встрѣтить. Слѣдовательно, и съ этой точки зрѣнія дѣятельность банка представляется полезною.

Можно далѣе указать, что крестьяне, хотя и не возлагаютъ на банкъ особыхъ надеждъ, но тѣмъ не менѣе относятся къ нему гораздо миролюбивѣе, чѣмъ къ частнымъ землевладѣльцамъ. Острыя столкновенія крестьянъ съ банкомъ рѣдки; о погромахъ имѣній банка не приходилось слышать. Покупка банкомъ имѣній все же вноситъ въ среду окрестныхъ крестьянъ извѣстное успокоеніе, внушая имъ увѣренность, что земля ихъ рукъ не минуетъ.

Наконецъ, какъ указано выше, пріобрѣтеніе банкомъ помѣщичьихъ земель обыкновенно облегчаетъ условія арендованія крестьянами нужныхъ имъ земель, доставляя такимъ образомъ крестьянамъ нѣкоторую, хотя и незначительную, выгоду.

Но если обратиться къ условіямъ, на которыхъ совершается пріобрѣтеніе банкомъ частновладѣльческихъ земель, то придется признать, что условія эти уничтожаютъ всѣ выгоды отъ накопленія банкомъ земельнаго запаса и что въ окончательномъ результатѣ эта операція банка затрудняетъ процессъ необходимыхъ въ распредѣленіи земельной собственности перемѣнъ. Банкъ уплачиваетъ продавцамъ такую цѣну, по которой онъ не въ состояніи впослѣдствіи передать землю крестьянамъ съ выгодою для послѣднихъ. При ликвидаціи земель банка предстоитъ или обременить крестьянъ непосильными платежами, или отнести значительную часть стоимости купленныхъ банкомъ земель на общія средства казны. Въ первомъ случаѣ переходъ земель къ крестьянамъ не улучшитъ, а ухудшитъ ихъ бытъ; во второмъ, этотъ переходъ окажется неосуществимымъ съ финансовой стороны. Уплачивая продавцамъ земель высокую цѣну, банкъ содѣйствуетъ не крестьянамъ въ ихъ землеустройствѣ, а частнымъ землевладѣльцамъ въ ликвидаціи ихъ владѣнія. При современныхъ политическихъ условіяхъ цѣна на землю неизбѣжно должна бы понизиться, если бы она не поддерживалась спросомъ со стороны крестьянскаго банка, который, такимъ образомъ, если и ускоряетъ процессъ перехода земель къ крестьянамъ, то препятствуетъ тому, чтобы переходъ этотъ совершался на выгодныхъ для пріобрѣтателей условіяхъ.

Этотъ выводъ нисколько не можетъ быть поколебленъ указаніемъ на обстоятельство, что сами крестьяне, покупая при посредствѣ банка земли частныхъ землевладѣльцевъ по соглашенію съ послѣдними, уплачиваютъ продавцамъ еще болѣе высокую цѣну, чѣмъ

платитъ банкъ. Во 1-хъ, большая часть крестьянъ, обращающихся къ ссудной помощи банка, по состоятельности выдѣляются изъ средняго уровня крестьянской массы, а, слѣдовательно, отличаются и большею платежеспособностью. Во 2-хъ, согласіе крестьянъ на пріобрѣтеніе земли по высокой цѣнѣ объясняется лишь нуждою въ землѣ и опасеніемъ, что она достанется кому либо другому. Поставленные въ такія условія, крестьяне часто согласны на какую угодно продажную цѣну, надѣясь въ будущемъ добиться какихъ-либо льготъ или уступокъ со стороны банка. Можно предсказать съ полною почти увѣренностью, что значительная часть выданныхъ въ послѣднее время банкомъ ссудъ на покупку крестьянами земель, въ особенности ссудъ свыше 90%, окажется безвозвратною: заемщики или будутъ уклоняться отъ взноса слѣдующихъ банку платежей, или дѣйствительно не будутъ въ состояніи ихъ вносить. Крайняя неисправность въ поступленіи платежей крестьянскому банку, проявившаяся въ текущемъ году, служитъ подтвержденіемъ этого предположенія.

Такимъ образомъ, высокія продажныя цѣны по посредническимъ сдѣлкамъ крестьянскаго банка отнюдь не свидѣтельствуютъ объ умѣренности цѣнъ, платимыхъ самимъ банкомъ. Нельзя не замѣтить, что, допуская выдачу ссудъ при высокихъ продажныхъ цѣнахъ, банкъ отнимаетъ у себя возможность противостоять повышенію цѣнъ при покупкахъ за свой счетъ: кліенты, пользующіеся ссудами банка, являются его же конкурентами, повышая своимъ спросомъ земельныя цѣны.

Полезность современной посреднической дѣятельности банка подлежитъ сомнѣнію и по другимъ соображеніямъ. Правильный порядокъ удовлетворенія земельной нужды крестьянъ требовалъ бы, чтобы въ первую очередь помощь оказывалась тѣмъ, кто болѣе нуждается; тѣ, чья нужда менѣе интенсивна, должны бы пользоваться содѣйствіемъ правительства лишь постольку, поскольку это окажется возможнымъ за удовлетвореніемъ наиболѣе неотложныхъ требованій. Между тѣмъ, въ посреднической операціи банка дѣло ставится какъ разъ наоборотъ, и возникаетъ опасеніе, чтобы удовлетвореніе нужды сравнительно состоятельныхъ крестьянъ не послужило впослѣдствіи препятствіемъ къ содѣйствію менѣе обезпеченнымъ. Такъ напр., изъ вышеприведенныхъ данныхъ видно, что на окраинахъ Европейской Россіи при помощи банка спѣшатъ захватить земли состоятельные крестьяне (въ значительной части переселенцы); если этотъ захватъ разовьется, то значеніе окраинъ для удовлетворенія земельной нужды

безземельнаго и малоземельнаго крестьянства существенно сократится. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда банкъ помогаетъ крестьянамъ, безспорно нуждающимся въ расширеніи землепользованія, возможны,—хотя бы въ видѣ исключенія—случаи, когда эта помощь оказывается во вредъ другимъ, столь же настоятельно требующимъ помощи. Подобный случай имѣетъ мѣсто, когда напр. земля, лежащая рядомъ съ однимъ селеніемъ, переходитъ къ другому, болѣе отдаленному. Чтобы предупредить такіе случаи, необходима активная дѣятельность землеустроительнаго учрежденія, банкъ же дѣйствуетъ пассивно, идя на встрѣчу состоявшимся соглашеніямъ продавцовъ съ покупателями, соглашеніямъ, преслѣдующимъ выгоды стороны, но не оберегающимъ интересы третьихъ лицъ.

Посреднической операціи крестьянскаго банка нельзя приписывать особаго значенія и въ смыслѣ успокоенія крестьянъ: состоявшаяся при посредствѣ банка сдѣлка по покупкѣ земли, безспорно, приноситъ успокоеніе крестьянамъ—пріобрѣтателямъ; но если сдѣлки эти состоялись къ ущербу окрестнаго населенія, то въ средѣ послѣдняго она способна вызвать только раздраженіе.

Нельзя вообще не признать, что посредническія операціи банка организованы на началахъ, весьма мало соотвѣтствующихъ задачѣ обезпеченія землею широкихъ слоевъ земледѣльческаго населенія. Покупка имѣній банкомъ, для перепродажи крестьянамъ, не отвѣчаетъ этой задачѣ, главнымъ образомъ, въ виду преувеличенности платимыхъ банкомъ цѣнъ, посредническая же дѣятельность банка, если бы даже и не вела къ подъему земельныхъ цѣнъ, едва ли могла бы быть въ должной степени согласована съ указанною задачею.

По изложеннымъ соображеніямъ нельзя признать, чтобы современная дѣятельность банка подготовляла и облегчала удовлетвореніе потребности расширенія крестьянскаго землепользованія. Въ общемъ итогѣ дѣятельность банка не подготовляетъ, а затрудняетъ необходимую земельную реформу.

Этотъ общій выводъ не предрѣшаетъ конечно, оцѣнки каждой отдѣльной сдѣлки, совершаемой банкомъ. Многія отдѣльныя имѣнія покупаются банкомъ по сходной, иногда даже дешевой цѣнѣ; отдѣльныя ссуды выдаются крестьянамъ, дѣйствительно нуждающимся въ землѣ, и притомъ на льготныхъ условіяхъ. Было бы, очевидно, неправильно осуждать всѣ подобныя сдѣлки только потому, что общій результатъ дѣятельности банка неудовлетворителенъ. Каждая отдѣльная сдѣлка, совершаемая банкомъ или при его посредствѣ, требовала бы оцѣнки по ея конкретнымъ, индивидуальнымъ условіямъ.

Проповѣдь бойкота банка, воздержанія отъ сношеній съ нимъ, не имѣла бы справедливаго и разумнаго основанія, если бы даже могла быть осуществлена на практикѣ.

Совершенно неосновательно было бы также относить неблагопріятный результатъ дѣятельности банка на счетъ неумѣлости и неспособности его администраціи, а тѣмъ болѣе на счетъ какихъ либо злоупотребленій. Можно напротивъ утверждать, что по общему правилу администрація банка стремится дать его дѣятельности надлежащее направленіе, устранить тѣ крупные изъяны, о которыхъ была рѣчь выше. Если же итоги дѣятельности банка оказываются, вопреки стараніямъ его администраціи, неудачными, то причина тому лежитъ въ самой системѣ, которая положена въ основу дѣятельности банка,— въ томъ, что банкъ покупаетъ земли по соглашенію съ продавцами, содѣйствуетъ соглашенію крестьянъ съ продавцами земли. Примѣняя эту систему, нельзя придти къ инымъ результатамъ, чѣмъ тѣ, къ какимъ приходитъ банкъ. Какъ продавцы земель, такъ и покупатели ихъ въ своихъ сношеніяхъ съ банкомъ преслѣдуютъ прежде всего свои частные интересы, которые далеко не всегда оказываются соотвѣтствующими общегосударственнымъ интересамъ, а часто даже прямо противорѣчатъ послѣднимъ. Стремленіе лицъ, совершающихъ сдѣлки съ банкомъ, осуществить свои частные интересы, дать имъ преобладаніе передъ интересами общими, всегда будетъ приводить къ уклоненію банка отъ той линіи, слѣдовать которой было бы необходимо для достиженія общеполезныхъ результатовъ. Принципъ частнаго соглашенія имѣетъ широкое примѣненіе лишь въ области частно—правовыхъ отношеній, землеустроительная же политика государства должна быть построена на началахъ, свойственныхъ публичному праву.

III. Аграрные указы

(12 и 27 августа, 19 сентября).

12-го и 27-го августа, на разстояніи двухъ недѣль, послѣдовали два законодательныхъ акта, которые несомнѣнно займутъ видное мѣсто въ исторіи нашей земельной политики, но не менѣе видное мѣсто займутъ и въ исторіи борьбы русскаго общества и народа за представительное правленіе: одинъ—Высочайшій указъ о передачѣ крестьянскому поземельному банку, для продажи черезъ его посредство крестьянамъ, удѣльныхъ земель, другой—о предназначеніи свободныхъ казенныхъ земель въ предѣлахъ Европейской Россіи для обезпеченія нуждающимся въ землѣ крестьянамъ. Къ нимъ, 19 сентября, присоединился третій указъ—о передачѣ свободныхъ земель Алтайскаго округа, принадлежащихъ кабинету Его Величества, въ вѣдѣніе казны, для отвода ихъ переселенцамъ.

Я не буду подробно останавливаться на вопросѣ о юридической природѣ этихъ двухъ актовъ. Но я не могу не отмѣтить существеннаго различія между указами 12 и 27 августа, что̀ касается ихъ внѣшней формы,—различія, которымъ, вѣроятно, хотѣли подчеркнуть и разницу въ юридическомъ характерѣ того и другого акта. Указъ 12 августа, касающійся удѣльныхъ земель, не содержитъ ни ссылки на какія либо статьи основныхъ законовъ, ни указанія на отмѣну дѣйствующихъ узаконеній объ удѣльныхъ земляхъ. Указъ 27-го августа о продажѣ казенныхъ земель послѣдовалъ «на основаніи ст. 87 свода основныхъ государственныхъ законовъ изданія 1906 года», и притомъ съ прямымъ указаніемъ на «измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній». Въ указѣ 12 августа дѣло идетъ, какъ будто, вовсе не о законодательномъ актѣ, а просто объ осуществленіи принадлежащаго Императору верховнаго права распоряженія землями Императорской фамиліи. Въ указѣ 27 августа первостепенно важное мѣропріятіе, внѣ всякаго сомнѣнія входящее

въ сферу компетенціи законодательной власти, подведено подъ категорію провизорныхъ мѣръ, принимаемыхъ, въ случаяхъ экстренной необходимости, въ промежуткѣ времени между двумя думскими сессіями и по созывѣ новой думы представляемыхъ на ея одобреніе, въ противномъ же случаѣ утрачивающихъ силу чрезъ два мѣсяца по созывѣ думы.

Повторяю—я не имѣю въ виду входить здѣсь въ детали юридическаго характера. Но вѣдь и безъ особо тонкихъ юридическихъ соображеній ясно, что удѣльныя земли—не частная собственность Императорской фамиліи, а государственное достояніе, закономъ предназначенное для обезпеченія членовъ царствующаго дома, и могущее измѣнить свое назначеніе лишь вслѣдствіе новаго законодательнаго акта, отмѣняющаго дѣйствующіе законы объ удѣльныхъ земляхъ. И если формальное юридическое толкованіе оставляло мѣсто для сомнѣній то оно устраняется указомъ 19 сентября, послѣдовавшимъ, какъ и указъ 27 августа, со ссылкою на 87 статью основныхъ законовъ: если вторженіе въ область законодательства потребовалось чтобы распорядиться кабинетскими землями, составляющими собственность царствующаго Императора, то конечно безъ такого-же вторженія нельзя было распорядиться и землями удѣльнаго вѣдомства, составляющими лишь земельный фондъ, закономъ предназначенный для обезпеченія Императорской фамиліи. Не менѣе ясно, что никакія логическія хитросплетенія, никакія натяжки не помогутъ подвести указа 27-го августа, безповоротно предрѣшающаго, поскольку указъ успѣетъ получить практическое осуществленіе (значеніе этой оговорки выяснится изъ дальнѣйшаго!), судьбу казенныхъ земель, создающаго (опять-таки съ тою же оговоркой) такое положеніе дѣлъ и такія правовыя отношенія, которыя фактически **не могутъ** утратить своей силы по истеченіи извѣстнаго срока, подъ дѣйствіе ст. 87 основныхъ законовъ, по силѣ которой указы сами собой теряютъ дѣйствіе, если не будутъ одобрены государственною думой въ теченіе двухъ мѣсяцевъ по ея созывѣ. И можно ли, съ другой стороны, говорить здѣсь о наличности тѣхъ чрезвычайныхъ условій, той неотложной необходимости, которыми оправдывалось бы примѣненіе 87-ой статьи, этого четырнадцатаго параграфа нашей конституціи? Конечно и очевидно нѣтъ. Подъ 87 статью можно подвести, напримѣръ, военно-полевые суды: разстрѣливать, въ самомъ дѣлѣ, требуется безотлагательно, не ожидая созыва государственной думы; учредить суды—дѣло росчерка пера, а разстрѣлять кого угодно и за что угодно—дѣло сорока восьми часовъ. Но распродажа казенныхъ или

удѣльныхъ земель, даже отводъ подъ переселеніе земель кабинетскихъ, по самому существу своему не могутъ быть отнесены къ разряду экстренныхъ и неотложныхъ, въ этомъ смыслѣ мѣръ. Это не такія мѣры, которыя было бы возможно привести въ исполненіе не только въ нѣсколько дней, но даже въ тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, которые должны пройти до времени созыва новой думы. И это въ особенности, какъ мы увидимъ ниже, при той постановкѣ, какая дана дѣлу указами 12 и 27 августа. Указы не даютъ, значитъ, правительству возможности совершить что-либо дѣйствительно экстренное, дѣйствительно безотлагательное. Но указы эти, вмѣстѣ съ тѣмъ, не вызывались какою либо дѣйствительно экстренною и неотложною необходимостью. Пусть правительству неотложно необходимо было, не ожидая созыва государственной думы, передать крестьянамъ извѣстную часть казенныхъ земель, притомъ даже передать непремѣнно на правѣ собственности—оно могло это сдѣлать безъ всякаго указа, на основаніи отмѣняемыхъ указомъ 27 августа «правилъ образованія переселенческихъ участковъ въ сѣверо и юго-восточныхъ губерніяхъ», дѣйствіе которыхъ распространялось какъ разъ на тѣ губерніи, гдѣ сосредоточивается главная масса земельныхъ угодій и лѣсовъ казны; оно могло отводить и переселенческіе участки изъ кабинетскихъ земель, какъ въ 90-хъ годахъ отвело, для этой цѣли, свыше двухъ милліоновъ десятинъ. Зачѣмъ же было такъ спѣшить съ изданіемъ указовъ? Очевидно, только затѣмъ, чтобы произвести на крестьянскія массы извѣстное впечатлѣніе, показать имъ, что правительство и само, безъ думы, можетъ удовлетворить насущнымъ потребностямъ народа: только затѣмъ, чтобы поставить лишній крестъ на начинаніяхъ старой думы и лишнимъ узломъ связать новую, если бы она, паче чаянія, осмѣлилась иначе посмотрѣть на земельный вопросъ, чѣмъ смотритъ кабинетъ г. Столыпина. Нельзя конечно, сомнѣваться въ томъ, что наша бюрократія именно для того и заручилась чѣмъ-то вродѣ австрійскаго «четырнадцатаго параграфа», чтобы имѣть возможность не церемониться съ народнымъ представительствомъ. Но практически указы не достигнутъ даже и этой цѣли: новая государственная дума, надо думать, успѣетъ отмѣнить ихъ раньше, чѣмъ они будутъ приведены въ исполненіе въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ. Указы эти, конечно, никого не заставятъ забыть о старой думѣ—вѣдь нѣтъ того крестьянина, который бы не зналъ, что суть дѣла совсѣмъ не въ казенныхъ и не въ удѣльныхъ земляхъ!..

Итакъ, удѣльныя земли по указу 12 августа передаются крестьянскому банку для продажи крестьянамъ; казенныя земли по указу 27 августа «предназначаются къ продажѣ для обезпеченія нуждающихся крестьянъ землею». Въ томъ и въ другомъ случаѣ—«продажа». Но смыслъ этой продажи не тождественъ. Передача крестьянскому банку удѣльныхъ земель для продажи крестьянамъ—это значитъ, между прочимъ, что удѣльное вѣдомство желаетъ получить вознагражденіе за передаваемыя крестьянамъ земли,—и если бы оставалось мѣсто сомнѣнію въ томъ, что именно таковъ смыслъ «продажи», то оно устраняется IV пунктомъ указа, гдѣ говорится, между прочимъ, о порядкѣ «производства разсчетовъ крестьянскаго банка съ удѣльнымъ вѣдомствомъ за передаваемыя земли». Между тѣмъ, не только партія народной свободы, но даже такія, скорѣе правительственныя, партіи, какъ союзъ 17 октября, относили удѣльныя земли не къ тѣмъ, которыя должны отчуждаться за выкупъ, а къ тѣмъ, которыя подлежатъ передачѣ крестьянамъ безъ вознагражденія пользователей или владѣльцевъ. Равнымъ образомъ, и государственная дума, въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, говоритъ о простомъ «обращеніи» удѣльныхъ земель на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, противополагая такое «обращеніе» возмездному отчужденію земель частновладѣльческихъ И это понятно: удѣльныя земли—не собственность Императорской фамиліи, а земельный запасъ, предназначенный закономъ для ея обезпеченія; это—государственное достояніе, назначеніе котораго можетъ быть измѣнено велѣніемъ законодательной власти безъ того, чтобы отсюда вытекало чье-либо право на вознагражденіе. Но допустимъ даже, что юридическая сторона вопроса не такъ ясна. Во всякомъ случаѣ, удѣльное вѣдомство, хотя бы для того чтобы поддержать престижъ тѣхъ, чьи интересы оно защищаетъ, должно было не забывать о томъ, что народное представительство высказалось по данному вопросу въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ, и должно было, по меньшей мѣрѣ, дождаться новой думы, чтобы рѣшить вопросъ въ смыслѣ діаметрально противоположномъ.

Впрочемъ, можетъ быть, что приведенныя соображенія и не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ вопросу о возмездности или безвозмездности передачи удѣльныхъ земель въ казну,—можетъ быть смыслъ термина «продажа», какъ онъ примѣненъ къ удѣльнымъ землямъ, заключается не въ этомъ: въ указѣ 19 сентября, касающемся кабинетскихъ земель, термина «продажа» нѣтъ, каби-

*

нетскія земли просто «передаются» въ казну, а между тѣмъ кабинетъ имѣетъ получить за нихъ вознагражденіе, въ видѣ погоднаго платежа въ размѣрѣ 22 копѣекъ съ каждой переданной десятины, который казна будетъ обязана выплачивать кабинету въ теченіе 49 лѣтъ. Размѣры этого вознагражденія можно признать умѣренными, — но принципіально и въ данномъ случаѣ остаются въ силѣ тѣ сомнѣнія и возраженія, какія сами собой напрашиваются противъ возмездности передачи въ казну земель удѣльнаго вѣдомства.

Значительно проще и яснѣе стоитъ вопросъ о «продажѣ» по отношенію къ казеннымъ землямъ, гдѣ, очевидно, не возникаетъ вопроса о вознагражденіи кого-либо за передачу замель въ государственный землеустроительный фондъ, и вопросъ о «продажѣ» или иной формѣ передачи земли крестьянамъ имѣетъ для правительства, скорѣе, принципіальное значеніе. Извѣстно, что вопросъ о способѣ владѣнія землями, которыя должны поступить крестьянамъ при земельной реформѣ, былъ однимъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ первой государственной думѣ. Въ составѣ ея были убѣжденные сторонники націонализаціи земли или надѣленія въ пользованіе изъ государственнаго земельнаго фонда, были и не менѣе убѣжденные сторонники отвода на правѣ собственности. Но желать передачи на правѣ собственности — это еще отнюдь не значитъ желать «продажи». На правѣ собственности получили землю, какъ извѣстно, помѣщичьи, удѣльные, государственные и всякіе иные крестьяне Европейской Россіи,—но здѣсь не было и рѣчи о «продажѣ», а происходило просто надѣленіе. Значитъ, даже стоять за крестьянскую собственность, думать, что эта форма землевладѣнія наиболѣе благопріятствуетъ раціональной эксплоатаціи земли, еще отнюдь не значитъ стоять за «продажу». А собственно за форму «продажи» въ первой государственной думѣ не высказывался рѣшительно ни одинъ голосъ. Совершенно не извѣстенъ принципъ «продажи», какъ способа расширенія крестьянскаго землевладѣнія за счетъ казенныхъ земель, и практикѣ нашего аграрнаго законодательства: для землеустроительныхъ цѣлей сдавались въ аренду оброчныя статьи, въ извѣстныхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ случаяхъ отводилась земля въ дополнительный надѣлъ, разрѣшалось переселеніе, съ отводомъ казенныхъ земель до самаго послѣдняго времени исключительно въ пользованіе, а по закону 6 іюня 1904 года, въ Европейской Россіи, и въ собственность. Могутъ сказать, что вся разница въ терминѣ, что въ сущности нѣтъ разницы между продажей и отводомъ за выкупъ, на правѣ собственности. Но если это такъ, то зачѣмъ

понадобилось вводить новый терминъ, да еще въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ?.. Чтобы лишній разъ подчеркнуть, что правительство ни въ чемъ, даже въ терминологіи, не желаетъ идти по пути, намѣченному государственной думой? Чтобы формально не становиться на почву дополнительнаго надѣленія? Чтобы путемъ «продажи» способствовать размноженію того класса мелкихъ собственниковъ, на который правительству такъ хотѣлось бы теперь опереться? Но если имѣлась въ виду послѣдняя цѣль— на первыхъ двухъ я уже не буду останавливаться,—то правительство опоздало, и ходъ событій не будетъ, конечно, выжидать тѣхъ многихъ лѣтъ и даже десятилѣтій, въ теченіе которыхъ сталъ-бы создаваться новый, консервативный слой сельскаго населенія. Однако, вопросъ, въ данномъ случаѣ, конечно, далеко не въ одномъ только терминѣ: вѣдь предрѣшить «продажу», это значитъ сказать, что покупка казенныхъ и удѣльныхъ земель—частное дѣло тѣхъ, кто выступитъ въ роли покупателей на эти земли; и—что практически важнѣе—это значитъ предрѣшить, что покупщикамъ придется выплачивать всю стоимость покупаемой земли. Между тѣмъ, государственная дума стояла на томъ, что расширеніе крестьянскаго землевладѣнія — общегосударственное дѣло; что дополнительное надѣленіе должно послѣдовать за счетъ государства; что съ надѣляемыхъ будетъ взиматься въ порядкѣ обложенія только извѣстная доля стоимости отводимыхъ земель, остальная же часть этой стоимости должна лечь на общегосударственныя средства, собираемыя не съ однихъ только крестьянъ, а со всѣхъ классовъ населенія.

Идемъ дальше. Продажныя цѣны казенныхъ земель, по указу 27 августа, устанавливаются земельными комиссіями, оцѣнка же производится «примѣнительно» къ правиламъ оцѣнокъ крестьянскаго банка. Въ указѣ 12 августа вопросъ объ основаніяхъ оцѣнокъ оставленъ открытымъ. Но разъ въ основу всего дѣла положена передача удѣльныхъ земель крестьянскому банку для передачи ихъ крестьянамъ, то можно съ увѣренностью ожидать, что и здѣсь будутъ приняты банковскія правила оцѣнокъ. Въ статьѣ, посвященной разбору указа 27 августа, Н. Н. Кутлеръ уже обратилъ вниманіе на неопредѣленность этого постановленія. Но если бы оно было только неопредѣленнымъ, я—предполагая въ дѣйствіяхъ правительства хотя бы минимальную дозу цѣлесообразности—не сомнѣвался бы въ томъ, что при данномъ положеніи вещей, когда правительству такъ нужно «что-нибудь сдѣлать» для успокоенія населенія, оцѣнки не будутъ слишкомъ обременительны. Однако, въ

оцѣночныхъ правилахъ банка есть ст. 44-ая, по которой для вывода доходности угодій принимаются прежде всего долгосрочныя и даже погодныя съемныя цѣны и условія испольнаго и издольнаго пользованія, и только при невозможности опредѣлить доходность по этимъ даннымъ — доходы, получаемые владѣльцемъ при хозяйствѣ за свой счетъ. Значитъ, на первый планъ выдвигаются какъ разъ тѣ самыя условія кабальныхъ арендъ, которыя, по категорическому требованію программы партіи народной свободы должны быть совершенно элиминированы при установленіи «справедливой оцѣнки». Значитъ, одно изъ двухъ: или оцѣнка будетъ производиться по правиламъ банка—и тогда цѣны будутъ чрезмѣрныя; или цѣны будутъ умѣренныя, но въ такомъ случаѣ зачѣмъ ссылка на банковскія правила оцѣнокъ? Неужели только для того, чтобы придать «продажѣ» земель видимость сходства съ операціями крестьянскаго банка? Но кому и зачѣмъ, опять-таки, нужна эта видимость? Конечно не будущимъ покупщикамъ, вообще не малоземельному крестьянству, и конечно не въ интересахъ прочности его землеустройства. Еще хуже, конечно, если дѣло (чего я предполагая правительство способнымъ на цѣлесообразныя, хотя бы въ его интересахъ дѣйствія, не рѣшался допускать) не ограничится однѣю видимостью, а если оцѣнивать казенныя и удѣльныя земли будутъ, дѣйствительно, по правиламъ крестьянскаго банка: въ такомъ случаѣ продажныя цѣны будутъ значительно выше, чѣмъ это соотвѣтствовало бы современной доходности подлежащихъ продажѣ казенныхъ и удѣльныхъ земель, арендныя цѣны которыхъ вѣдь значительно ниже, чѣмъ земель частновладѣльческихъ. Повторяю: я не рѣшался допускать возможности этого послѣдняго предположенія. Но я начинаю боятся, что я былъ неправъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ удѣльнымъ землямъ: та неуклонность, съ которою удѣльное вѣдомство до сихъ поръ всегда успѣвало блюсти и отстаивать свои денежныя выгоды, тотъ отмѣченный въ другомъ моемъ докладѣ фактъ, что всесильныя, по наказу 19 сентября, землеустроительныя комиссіи однако устранены отъ всякаго участія въ «передачѣ въ казну удѣльныхъ земель» —моментъ, когда будутъ устанавливаться и размѣры вознагражденія удѣльнаго вѣдомства, иначе сказать—продажныя цѣны, заставляютъ опасаться, что и въ данномъ случаѣ удѣльное вѣдомство сумѣетъ воспользоваться своимъ привиллегированнымъ положеніемъ для того, чтобы добиться повышенныхъ оцѣнокъ.

Въ интересахъ безпристрастія я считаю, однако, необходимымъ оговорить, что практически, съ точки зрѣнія интересовъ той соб-

ственно части крестьянства, въ руки которой перейдутъ удѣльныя и казенныя земли, ни провозглашеніе принципа «продажи», ни ссылки на банковскія правила оцѣнокъ не будутъ имѣть существеннаго значенія. При неминуемой о б щ е й земельной реформѣ будутъ, конечно, зачтены тѣ лишнія суммы, которыя покупщики удѣльныхъ и казенныхъ земель успѣютъ до тѣхъ поръ переплатить, въ результатѣ ли послѣдовательнаго проведенія принципа «продажи», или вслѣдствіе недостаточной—если бы это случилось—умѣренности произведенныхъ «примѣнительно» къ банковымъ правиламъ оцѣнокъ. Гораздо серьезнѣе могутъ быть послѣдствія распродажи казенныхъ земель въ неподлежащія руки или въ неподлежащемъ размѣрѣ; но это уже вопросъ, стоящій внѣ зависимости отъ принципа «продажи».

Въ какихъ же, спрашивается, величинахъ можетъ выразиться тотъ земельный запасъ, который подлежитъ передачѣ крестьянамъ на основаніи указовъ 12 и 27 августа и 19 сентября?

Я ограничусь немногими словами по поводу кабинетскихъ земель алтайскаго округа. Алтайскій округъ—это южная, лучшая по почвѣ и климату, сильнѣе всего привлекающая переселенцевъ, половина томской губерніи—лучшій изъ переселенческихъ районовъ Сибири. Общее пространство округа—до 380 тыс. кв. в. или свыше 40 милліоновъ десятинъ. Но достаточно взглянуть на рельефную карту, чтобы увидѣть, что почти половину этого пространства—весь югъ и юго-востокъ—заполняетъ сплошная альпійская горная страна, гдѣ для поселенія и культуры пригодны лишь сравнительно не обширныя долины, болѣе или менѣе сплошь заполненныя туземнымъ инородческимъ населеніемъ. Остальная половина—20, 22, много 25 милліоновъ десятинъ—это, въ настоящее время, одна изъ наиболѣе густонаселенныхъ частей Сибири: уже по переписи 1897 года населеніе округа достигало полуторыхъ, теперь оно едва ли менѣе двухъ милліоновъ десятинъ. Все это населеніе имѣетъ право на надѣленіе землею; считая около милліона душъ мужского пола и принимая какъ минимумъ надѣла 15 удобныхъ десятинъ, получаемъ уже 15 милліоновъ десятинъ; но фактически въ надѣлъ населенію отойдетъ, несомнѣнно, больше, ибо надѣлъ отводится по дѣйствительному пользованію, которое въ алтайскомъ округѣ, въ видѣ правила, больше, мѣстами значительно больше 15 десятинъ на мужскую душу. Что останется за поземельнымъ устройствомъ мѣстнаго населенія—это въ настоящее время невозможно сказать съ какою-

либо точностью; во всякомъ случаѣ—очень мало во всей степной, наиболѣе густо населенной части округа; гораздо больше—вѣроятно, нѣсколько милліоновъ десятинъ, въ восточномъ и сѣверо-восточномъ полѣсьѣ округа, которое, однако, не представляетъ, какъ переселенческій районъ, почти никакого интереса. Въ конечномъ же результатѣ практическое значеніе указа 19 сентября, въ смыслѣ новыхъ переселенческихъ и колонизаціонныхъ перспективъ, въ смыслѣ отвлеченія изъ Европейской Россіи тѣхъ элементовъ, которые правительству такъ хотѣлось бы сбыть съ рукъ, будетъ крайне незначительно.

Перехожу затѣмъ къ казеннымъ и удѣльнымъ землямъ. Продажѣ крестьянамъ подлежатъ, прежде всего, казенныя и удѣльныя оброчныя статьи, т. е. земельныя угодья казны и удѣла, за исключеніемъ тѣхъ, которыя отведены или необходимы для отвода церквамъ, школамъ, общимъ или сельскохозяйственнымъ, опытно-показательнымъ учрежденіямъ, подъ лѣсоразведеніе, фабрично-заводскія предпріятія, разработку ископаемыхъ, вообще для всякаго рода «государственныхъ и общественныхъ надобностей». Затѣмъ—тѣ «лѣсныя угодья», которыя подлежащее вѣдомство найдетъ возможнымъ отчудить безъ ущерба для нуждъ мѣстнаго населенія, для интересовъ лѣсоохраненія и для правильнаго лѣсного хозяйства, причемъ отчужденіе «лѣсныхъ угодій» удѣла допускается указомъ 12 августа лишь для архангельской и вологодской губерній. Безъ ограниченія опредѣленными губерніями указъ 12 августа особо предусматриваетъ отчужденіе только «тѣхъ лѣсныхъ участковъ, которые расположены чрезполосно съ посторонними владѣніями или окружены ими»—указаніе, чрезвычайно важное для очень многихъ обществъ удѣльныхъ крестьянъ: при надѣленіи послѣднихъ, въ лѣсныхъ мѣстностяхъ допускалась самая изумительная чрезполосица надѣльныхъ угодій съ лѣсами и даже земельными угодьями удѣла, и эта чрезполосица, которою умѣло пользуются мѣстные его агенты, является, несомнѣнно, однимъ изъ серьезнѣйшихъ золъ, угнетающихъ хозяйство бывшаго удѣльнаго населенія. Конечно, какъ въ этомъ частномъ случаѣ, такъ и во всѣхъ вообще случаяхъ отчужденія, предусмотрѣнныхъ указами 12 и 27 августа, открывается очень широкій просторъ усмотрѣнію центральныхъ управленій того и другого вѣдомства, ихъ мѣстныхъ агентовъ и землеустроительныхъ комиссій. Какъ отмѣчено было Н. Н. Кутлеромъ въ уже цитированной статьѣ изъятій, предусмотрѣнныхъ по отношенію къ оброчнымъ статьямъ, «достаточно, чтобы земель, подлежащихъ продажѣ, вовсе не оказалось»; а тѣмъ предѣламъ, въ которые поставлена указами продажа

лѣсныхъ угодій, «въ одинаковой мѣрѣ будетъ отвѣчать продажа любой доли казенныхъ лѣсовъ: все зависитъ отъ взгляда» того и другого вѣдомства и ихъ мѣстныхъ агентовъ. Такая неопредѣленность указаній закона, въ данномъ случаѣ, едва ли устранима. Изъятіе отъ отчужденія оброчныхъ статей, необходимыхъ для перечисленныхъ въ указахъ и иныхъ «государственныхъ и общественныхъ цѣлей», конечно, необходимо; столь же необходимо изъять отъ продажи тѣ «лѣсныя угодья», отчужденіе которыхъ принесло бы ущербъ мѣстному населенію, или было бы вредно съ точки зрѣнія лѣсоохраненія — вообще, нельзя всю территорію страны, сплошь, раздать въ крестьянскіе надѣлы. И вытекающія изъ перечисленныхъ соображеній ограниченія не могутъ быть указаны въ законѣ иначе, какъ въ общихъ выраженіяхъ, открывающихъ широкій просторъ личному взгляду исполнителей. Но вопросъ, въ томъ, *каковы* будутъ исполнители и ихъ личные взгляды. Между тѣмъ, какъ бы ни оцѣнивать компетентность и центральныхъ «вѣдомствъ», и ихъ мѣстныхъ агентовъ, и землеустроительныхъ комиссій,—во всякомъ случаѣ, опять-таки, пламенное желаніе правительства «сдѣлать что нибудь» для удовлетворенія и, главное, для успокоенія населенія служитъ извѣстною гарантіею того, что «государственныя и общественныя потребности» и «интересы лѣсоохраненія и правильнаго лѣсного хозяйства» не будутъ пониматься слишкомъ широко. Опасаться, при данномъ положеніи вещей, слѣдуетъ скорѣе обратнаго: что безконтрольно дѣйствующія землеустроительныя комиссіи будутъ слишкомъ мало думать о «государственныхъ и общественныхъ надобностяхъ»— будутъ отдавать и то, что было бы благоразумнѣе оставить въ распоряженіи государства. Объ этомъ, впрочемъ, я подробнѣе говорю въ другомъ моемъ докладѣ.

Что-же, приблизительно, представляютъ собой тѣ казенныя и удѣльныя земли, которыя подлежатъ распродажѣ крестьянамъ?

Прежде всего—оброчныя статьи, за указанными только что изъятіями, которыя несомнѣнно не будутъ велики, поскольку рѣчь идетъ объ «общегосударственныхъ и общественныхъ надобностяхъ».

Какъ извѣстно, общая площадь оброчныхъ статей удѣльнаго вѣдомства нѣсколько больше двухъ, общая площадь оброчныхъ статей казны (включая такъ называемыя статьи лѣсного вѣдомства) нѣсколько больше четырехъ съ половиной милліоновъ десятинъ. Статьи лѣсного вѣдомства (всего до 469 тысячъ десятинъ) — это угодья, преимущественно сѣнокосныя, разбросанныя по лѣснымъ дачамъ, болѣе или менѣе во всѣхъ губерніяхъ. Изъ остальныхъ 4.176.000

дес. казенныхъ оброчныхъ статей—такъ назыв. статей хозяйственнаго вѣдомства—3.886.000, или 93%, располагаются въ 12 южныхъ и въ особенности юго-восточныхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ: въ самарской 1.319 тыс., астраханской 799, херсонской 315, пермской (южные степные уѣзды) 306, оренбургской 237, саратовской 222, таврической 204, уфимской 166 тыс., въ екатеринославской, харьковской, бессарабской и тамбовской—въ каждой отъ 90 до 69 тыс. десятинъ. По количеству удѣльныхъ статей на первомъ мѣстѣ стоитъ та-же самарская губернія съ 629 тыс. дес. одной удобной земли; за нею слѣдуютъ: симбирская съ 380 тыс., саратовская съ 134, вятская съ 100 тыс., затѣмъ—губерніи костромская, кіевская и вологодская, имѣющія удѣльныхъ оброчныхъ статей, каждая, отъ 60 до 94 тыс. десятинъ.

Такимъ образомъ, распредѣленіе оброчныхъ статей казны и удѣла по территоріи европейской Россіи крайне неравномѣрно: значительные запасы земель этого типа имѣются только въ трехъ губерніяхъ—самарской, симбирской и астраханской, на долю которыхъ приходится 3.100 тыс. десятинъ — ровно половина всѣхъ оброчныхъ земель казны и удѣла въ европейской Россіи. Затѣмъ, по нѣсколькимъ губерніямъ юга и юго-востока оброчныя статьи занимаютъ отъ 150 до 300 тыс. десятинъ, по всѣмъ остальнымъ онѣ занимаютъ лишь ничтожныя площади и, слѣдовательно, не могутъ сыграть сколько-нибудь замѣтной роли въ дѣлѣ расширенія крестьянскаго землевладѣнія.

Переходимъ къ лѣсамъ. Общее пространство казенныхъ лѣсныхъ дачъ въ европейской Россіи достигаетъ 107 милліоновъ десятинъ, изъ нихъ 86 милл. такъ называемой «удобной лѣсной площади». Общее пространство удѣльныхъ лѣсовъ около 5.700.000 дес., изъ которыхъ на тѣ двѣ губерніи, гдѣ указомъ 12 августа допущено отчужденіе не однихъ только чрезполосныхъ участковъ, а вообще «лѣсныхъ угодій», приходится: на архангельскую 2.197 тыс., на вологодскую 971 тыс. десятинъ. Изъ 86 милліоновъ удобныхъ дес. казенныхъ лѣсовъ приходится на тѣ-же двѣ губерніи 58 милліоновъ, на пермскую, вятскую, олонецкую, костромскую и новгородскую—еще 20 милліоновъ, а всего на 7 сѣверныхъ губерній 78 мил. дес., или 90,7% всѣхъ казенныхъ лѣсовъ европейской Россіи. На все остальное пространство послѣдней, обнимающее весь черноземъ и значительно большую, по населенности, часть нечерноземной полосы, остается, значитъ, всего 8 милліоновъ десятинъ. Уже отсюда ясно, что на всемъ этомъ пространствѣ не

можетъ найтись слишкомъ большого количества лѣсовъ, которые могли бы быть отчуждены и обращены въ земельныя угодья безъ ущерба для дѣйствительныхъ интересовъ страны и населенія—не для однихъ только тѣхъ «лѣсоохранительныхъ и лѣсохозяйственныхъ» интересовъ, которые, до недавняго времени, съ такимъ успѣхомъ противопоставлялись лѣснымъ вѣдомствомъ всякаго рода попыткамъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія за счетъ казенной лѣсной площади. О милліонахъ десятинъ можетъ быть рѣчь только для тѣхъ семи сѣверныхъ губерній, гдѣ сосредоточивается болѣе девяти десятыхъ всей площади государственныхъ лѣсовъ.

Вопросъ теперь: сколько же «лѣсныхъ угодій» главное управленіе землеустройства и удѣльное вѣдомство «признаютъ возможнымъ предназначить къ отчужденію»? Опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ послѣдовать лишь послѣ серьезныхъ межевыхъ и таксаціонныхъ работъ, которыя только и могутъ выяснить, что̀ можетъ, и что̀ не можетъ быть отчуждено «безъ ущерба» и т. д., что̀, по почвеннымъ и т. п. условіямъ, годно, и что не годно для обращенія въ земельныя угодья. Нѣкоторымъ намекомъ на возможные размѣры отчужденія изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ могутъ послужить отвѣты мѣстныхъ органовъ главнаго управленія на циркулярный запросъ, который былъ имъ сдѣланъ, съ аналогичными цѣлями, еще при Н. Н. Кутлерѣ: въ итогѣ по 45 губерніямъ къ передачѣ населенію намѣчалось 3.592 тыс. десятинъ, въ томъ числѣ по семи сѣвернымъ —3.189 тыс., по остальнымъ 38-ми—всего 403 тыс. десятинъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти цифры—минимумъ того, что̀ можетъ быть выдѣлено изъ лѣсныхъ дачъ. Можно съ положительностью утверждать, что для такихъ губерній, какъ архангельская или вологодская, количество «лѣсныхъ угодій», которыя могли бы быть переданы крестьянамъ безъ ущерба для кого-бы и чего-бы то ни было, исчисляется не сотнями тысячъ, а милліонами десятинъ, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ итогѣ по семи сѣвернымъ губерніямъ это количество, при ближайшемъ разсмотрѣніи, зайдетъ далеко за десятокъ милліоновъ. Но это—именно только въ сѣверныхъ губерніяхъ. Очень возможно, что ближайшее изслѣдованіе позволитъ увеличить площадь намѣченныхъ къ отчужденію «лѣсныхъ угодій» и по многимъ другимъ губерніямъ; въ частности съ извѣстною увѣренностью этого можно ожидать для такихъ губерній какъ минская, гродненская, волынская,—и при данной конъюнктурѣ я не вижу основанія ожидать ни со стороны главнаго управленія,

ни даже со стороны его мѣстныхъ агентовъ (всегда особенно ретивыхъ въ отстаиваніи интересовъ «лѣсоохраненія и лѣсного хозяйства!») стремленія слишкомъ широко понимать эти интересы и ставить отчужденіе въ слишкомъ узкія рамки [1]). Но все-таки для всей черноземной и для большей части нечерноземной полосы, съ ихъ восемью милліонами десятинъ, казенныхъ лѣсовъ, не приходится, очевидно, и мечтать объ отчужденіи милліоновъ десятинъ казенныхъ «лѣсныхъ угодій»; намѣченныя мѣстными управленіями цифры возрастутъ по отдѣльнымъ губерніямъ развѣ только на десятки и десятки тысячъ, въ общемъ итогѣ по всѣмъ губерніямъ, кромѣ семи сѣверныхъ, въ лучшемъ случаѣ, на немногія сотни тысячъ десятинъ.

Какъ бы то ни было,—но и тѣ цифры, какими мы въ данную минуту располагаемъ, позволяютъ судить о возможныхъ практическихъ послѣдствіяхъ указовъ 12 и 27 августа. Мы знаемъ, *какъ максимумъ*, площадь оброчныхъ земель обоихъ вѣдомствъ, долженствующихъ перейти въ руки населенія; ничего не знаемъ о предстоящихъ отчужденіяхъ изъ удѣльныхъ лѣсовъ, кромѣ того, что они могутъ быть значительны только по двумъ губерніямъ крайняго сѣвера [2]),—и знаемъ, *какъ минимумъ*, площадь казенныхъ лѣсовъ, предполагаемую къ отчужденію, причемъ повторяю—для сѣверныхъ губерній этотъ минимумъ очень далекъ отъ возможнаго предѣла отчужденій, для остальной Россіи—довольно къ нему близокъ. И, сводя эти данныя въ одну табличку, получаемъ такую картину:

Въ губерніяхъ:	Земельныхъ угодій, тысячъ удобныхъ дес.		Лѣсной площади, тыс. десятинъ.	Всего тысячъ десятинъ.
	Казны.	Удѣла.		
а) Нечерноземной полосы:				
Архангельской	5	14	743	762
Вологодской	99	60	816	975
Пермской	188	30	401	619
Вятской	43	100	440	583
Костромской	21	94	364	479
Новгородской	22	32	232	286
Олонецкой	2	—	142	144
Гродненской	39	6	26	71

[1]) Появившіяся въ концѣ октября свѣдѣнія о состоящемся въ концѣ октября «совѣщаніи» при главн. упр. землеустойства показываютъ, что авторъ былъ не совсѣмъ правъ въ своихъ предположеніяхъ: «лѣсоохранительныя» тенденціи проявились гораздо сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать.

[2]) По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ удѣлы отдаютъ всего 248 т. дес. Цифры эти включены въ табличку.

б) Нечерноземной полосы:

Самарской	1.024	629	111	664
Астраханской	794	—	6	800
Симбирской.	8	380	14	402
Саратовской	223	134	6	363
Уфимской	178	47	56	281
Херсонской	214	18	12	244
Оренбургской	197	—	28	225
Казанской	27	14	142	183
Таврической	171	9	—	180
Тамбовской	79	—	49	128
Екатеринославской	106	13	—	119
Харьковской	75	13	—	88
Кіевской	1	76	6	83
Воронежской	23	39	—	62

Это—всѣ губерніи, гдѣ къ передачѣ населенію намѣчается свыше 50 тыс. десятинъ. Если принять въ соображеніе указанныя выше поправки, то станетъ ясно, что по ряду сѣверныхъ губерній, и въ особенности по двумъ губерніямъ крайняго сѣвера, распродажа казенныхъ и удѣльныхъ земель открываетъ расширенію крестьянскаго землевладѣнія очень широкія перспективы. Почти столь-же широка возможность такого расширенія для двухъ изъ юго-восточныхъ губерній—самарской и астраханской; болѣе или менѣе серьезныя площади, измѣряемыя сотнями тысячъ десятинъ, могутъ поступить въ продажу и въ рядѣ другихъ восточныхъ, южныхъ и юго-восточныхъ губерній. Но изъ всего малоземельнаго центра въ нашу табличку попопали только тамбовская, воронежская и харьковская губерніи,— по всѣмъ остальнымъ, центрально-черноземнымъ и центрально-промышленнымъ губерніямъ, могущіе подлежать отчужденію земельные запасы казны и удѣла исчисляются тысячами или немногими десятками тысячъ десятинъ—слѣдовательно, не могутъ сыграть абсолютно никакой роли въ дѣлѣ расширенія крестьянскаго землевладѣнія.

Въ итогѣ для всей черноземной и для всей, кромѣ семи сѣверныхъ губерній, части нечерноземной полосы казною и удѣломъ будетъ распродано, какъ максимумъ: четыре милліона десятинъ казенныхъ оброчныхъ статей, два милліона удѣльныхъ, по самому смѣлому предположенію—милліонъ десятинъ «лѣсныхъ угодій», всего, значитъ, на 43 губерніи, семь милліоновъ десятинъ. А

между тѣмъ количество земли, необходимое, чтобы довести размѣры крестьянскаго землевладѣнія хотя бы до нормъ 1861 года, опредѣляется по, самымъ скромнымъ разсчетамъ, въ 30—35 милліоновъ, по менѣе скромнымъ—въ 65—70 милліоновъ десятинъ. Значитъ, даже при самой быстрой распродажѣ, или вообще передачѣ населенію, всего могущаго быть предназначеннымъ для этого запаса государственныхъ и удѣльныхъ земель, при самомъ уравнительномъ распредѣленіи ихъ между нуждающимся въ землѣ населеніемъ, такая распродажа можетъ покрыть лишь очень небольшую долю того земельнаго дефицита, въ устраненіи котораго—этого теперь, очевидно, не отрицаетъ даже и правительство!—главная и неотложная задача предстоящей земельной реформы. И это лежитъ внѣ воли и вины правительства или какой бы то ни было человѣческой власти. Никакой законодатель не сдѣлаетъ необъятныхъ архангельскихъ и вологодскихъ лѣсовъ, гдѣ—разсуждая чисто-ариометически—можно было бы размѣстить чуть не половину населенія европейской Россіи, пригодными для крестьянъ черноземной или даже южнѣе лежащихъ частей нечерноземной полосы; если на сѣверѣ и останутся—а они останутся несомнѣнно!—нераспредѣленные между мѣстнымъ населеніемъ избытки, они такъ и будутъ лежать втунѣ, а населеніе всѣхъ черноземныхъ и большей части нечерноземныхъ губерній придется устраивать исключительно въ предѣлахъ той же южной и средней полосы Россіи. И если тѣхъ семи милліоновъ десятинъ, о которыхъ я упомянулъ, далеко не хватитъ, чтобы покрыть насущнѣйшія земельныя нужды земледѣльческаго населенія; если въ этомъ отношеніи совершенно безсильнымъ оказывается и переселеніе на государственныя земли азіатской Россіи, то изъ этого можетъ быть только одинъ выводъ: значитъ, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ распродажа казенныхъ и удѣльныхъ земель не устранитъ необходимости въ дальнѣйшихъ мѣрахъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія—въ тѣхъ мѣрахъ, безусловная необходимость которыхъ была провозглашена первою русскою государственною думой.

Но увы—можно ли говорить, въ данномъ случаѣ, о «самыхъ благопріятныхъ условіяхъ»?..

Прежде всего—дорого яичко въ Христовъ день. Чтобы сколько нибудь замѣтно повліять на условія крестьянскаго хозяйства, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія должно носить болѣе или менѣе единовременный характеръ; если передачу населенію даже

очень большого земельнаго запаса растянуть на десятки лѣтъ, то расширеніе крестьянскаго землевладѣнія не будетъ поспѣвать за приростомъ населенія и, слѣдовательно, не окажетъ никакого вліянія на его благосостояніе. Говоря о единовременности, я конечно не такъ наивенъ, чтобы думать, что какая бы то ни было земельная реформа можетъ быть осуществлена въ три недѣли или въ три мѣсяца. Я утверждаю только, что реформа должна быть осуществлена возможно быстро и не можетъ быть растянута на десятилѣтія. А между тѣмъ, по указамъ 12 и 27 августа оброчныя статьи поступаютъ въ продажу «по мѣрѣ прекращенія арендныхъ на нихъ договоровъ», и притомъ изъ состава казенныхъ земель, подлежащихъ продажѣ, исключаются тѣ, «которыя землеустроительныя учрежденія признаютъ необходимымъ, въ интересахъ мѣстнаго населенія, временно сохранить въ его пользованіи въ видѣ арендныхъ статей». Но если не всѣ, то значительная часть оброчныхъ статей казны и удѣла сдана въ аренду по долгосрочнымъ, въ видѣ правила 12-лѣтнимъ, контрактамъ. Значитъ, въ лучшемъ случаѣ оброчныя земли будутъ постепенно освобождаться отъ аренды въ теченіе 11-лѣтняго періода (предполагая, что статьи очереди настоящаго года еще не переоброчены), и въ каждый годъ этого періода будетъ передаваться населенію, среднимъ числомъ, одна двѣнадцатая часть общаго количества земель, подлежащаго передачѣ, или на всю европейскую Россію, среднимъ же числомъ, не свыше полумилліона десятинъ, изъ которыхъ извѣстная часть уже сейчасъ состоитъ, на арендномъ правѣ, въ пользованіи малоземельной части крестьянства,—значитъ, останется въ тѣхъ же рукахъ и только перемѣнитъ титулъ пользованія. А затѣмъ, въ виду соображеній, къ которымъ я сейчасъ перехожу и которыя подробнѣе развиты въ другомъ моемъ докладѣ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что «интересы мѣстнаго населенія» будутъ пониматься слишкомъ широко, и, слѣдовательно, значительная часть статей будетъ переоброчиваться на дальнѣйшія шестилѣтія и двѣнадцатилѣтія. Въ ускоренномъ темпѣ продажа можетъ пойти только въ одномъ случаѣ: если въ роли покупщиковъ выступятъ сами нынѣшніе арендаторы оброчныхъ статей, которые, ради этого, охотно пойдутъ и на досрочное прекращеніе арендныхъ договоровъ. И надо здѣсь же отмѣтить съ тѣмъ, чтобы къ этому не возвращаться ниже, что съ такими досрочными прекращеніями арендъ связана очень серьезная опасность: именно, что оброчныя статьи многоземельныхъ губерній, въ частности Заволжья, путемъ досрочнаго прекращенія арендъ будутъ переходить въ руки какъ

разъ тѣхъ и безъ того хорошо обезпеченныхъ землею элементовъ мѣстнаго крестьянства, которые играютъ весьма видную, если не первенствующую роль въ составѣ арендаторовъ казенныхъ и удѣльныхъ земель, въ непоправимый ущербъ дѣйствительно малоземельнымъ элементамъ.

И въ этомъ—одно изъ существенныхъ практическихъ послѣдствій допущеннаго при изданіи указовъ 12 и 27 августа вторженія въ сферу компетенціи государственной думы. Еслибы законопроектъ о передачѣ населенію казенныхъ или удѣльныхъ земель прошелъ черезъ думу, она, конечно, нашла бы выходъ изъ затрудненія и не остановилась бы передъ досрочнымъ расторженіемъ арендныхъ договоровъ, когда это потребуется соображеніями землеустройства. У составителей указовъ 12 и 27 августа такой рѣшимости не оказалось и оказаться не могло: о н и стоятъ вѣдь на почвѣ огражденія «пріобрѣтенныхъ гражданскихъ правъ», потому д о л ж н ы б ы л и преклониться и передъ правами арендаторовъ. Но разъ благодаря этому приведеніе указовъ въ дѣйствіе растягивается въ лучшемъ случаѣ на десятилѣтіе, а скорѣе всего—на десятилѣтія, то къ чему было такъ спѣшить съ изданіемъ указовъ и пускать въ ходъ 87 статью? Вѣдь листомъ бумаги нельзя успокоить аграрное движеніе, и этотъ листъ бумаги, самъ по себѣ, ни въ чемъ не свяжетъ государственную думу.

И въ этомъ отношеніи—какъ это ни покажется страннымъ—мы должны быть даже благодарны кабинету гг. Столыпина и кн. Васильчикова за его недостаточную рѣшительность и чрезмѣрную приверженность къ принципу пріобрѣтенныхъ правъ. Указы 12 и 27 августа, если бы ихъ удалось провести въ жизнь, цѣликомъ или въ значительной части, до созыва новой государственной думы, могли бы сильно помѣшать планомѣрному проведенію общей аграрной реформы, противопоставивъ планамъ народнаго представительства совершившіеся факты, съ которыми пришлось бы считаться и при разработкѣ законодательныхъ основаній реформы, и при проведеніи ея въ жизнь. Какъ дѣло частью стоитъ въ силу независящихъ отъ чьего либо усмотрѣнія объективныхъ условій, частью—какъ оно поставлено указами 12 и 27 августа, можно съ извѣстною увѣренностью ожидать, что къ передачѣ населенію лѣсныхъ угодій до созыва, въ февралѣ, государственной думы не удастся даже приступить; изъ оброчныхъ статей—если не досрочныя прекращенія арендъ съ продажей частей нынѣшнимъ арендаторамъ удастся передать не болѣе одной годовой доли—значитъ, какихъ нибудь нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ, изъ которыхъ извѣстная часть, конечно, попадетъ и въ надле-

жащія руки. Вся остальная масса казенныхъ и удѣльныхъ земель и лѣсовъ ко времени созыва думы будетъ оставаться еще въ распоряженіи государства, и передачу ея населенію можно будетъ ввести въ общую систему мѣръ, направленныхъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія.

Сказаннымъ до извѣстной степени ослабляется практическое значеніе самой темной изъ сторонъ предуказанной 12 и 27 августа продажи населенію казенныхъ и удѣльныхъ земель: оторванности этой мѣры отъ общей системы мѣръ, долженствующихъ войти въ общій комплексъ отстроченной, но тѣмъ не менѣе неизбѣжной, общей земельной реформы. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь указы 12 и 27 августа не помѣшаютъ будущей думѣ вернуться къ вопросу о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія за счетъ частновладѣльческихъ земель, въ частности—объ ихъ принудительномъ отчужденіи. Можетъ, конечно, случиться, что, благодаря «энергичной» выборной политикѣ правительства, новая дума будетъ думою въ духѣ г. Столыпина и разрѣшитъ этотъ вопросъ отрицательно. Но вѣдь такой энергіи хватитъ ненадолго,—а наиболѣе вѣроятно, что «выборная политика» правительства и на ближайшихъ выборахъ останется безрезультатною, и тогда новая дума будетъ продолжать и закончитъ дѣло въ направленіи, намѣченномъ первою думой. А вѣдь отъ того или иного рѣшенія этого вопроса всецѣло зависитъ и то назначеніе, которое должно быть дано наличному запасу казенныхъ и удѣльныхъ земель. Если, въ самомъ дѣлѣ, будетъ проведено принудительное отчужденіе,—то земельная нужда густо населеннаго центра, съ его наиболѣе обострившимся малоземельемъ, будетъ въ очень значительной степени (а если правильны разсчеты оптимистовъ, какъ А. А. Мануиловъ, А. А. Чупровъ или А. С. Посниковъ, то и полностью) удовлетворена за счетъ мѣстныхъ запасовъ владѣльческихъ земель, съ присовокупленіемъ къ нимъ незначительныхъ мѣстныхъ же запасовъ земель казны и удѣла,—и тогда казенныя и удѣльныя земли многоземельныхъ окраинъ можно будетъ, болѣе или менѣе цѣликомъ, израсходовать на расширеніе землевладѣнія мѣстнаго, сравнительно обильно надѣленнаго землею, но все-таки жаждущаго земли, населенія. Если, наоборотъ, принудительнаго отчужденія не будетъ, и единственнымъ источникомъ для расширенія крестьянскаго землевладѣнія останутся, наряду съ землями, скупаемыми черезъ крестьянскій банкъ, земли казны и удѣльнаго вѣдомства, то совершенно ясно, что населеніе малоземельнаго центра, гдѣ казенныхъ и удѣльныхъ земель почти нѣтъ,

не можетъ быть устроено иначе, какъ за счетъ сравнительно большихъ земельныхъ запасовъ юга и юго-востока; мѣстному населенію этихъ окраинъ можетъ достаться лишь ничтожная доля земельныхъ запасовъ (для устройства дарственниковъ и т. п., обдѣленныхъ землею, категорій этого населенія), остальнымъ же придется отказаться отъ мечтаній о прирѣзкѣ, потому что несомнѣнная, острая земельная нужда милліоновъ крестьянъ малоземельнаго центра будетъ имѣть, въ такомъ случаѣ, безспорное преимущество передъ тѣмъ стремленіемъ къ сохраненію прежняго простора, къ которому сводится такъ называемое «утѣсненіе» рѣдко-населенныхъ окраинъ.

Такъ или иначе, но ясно, что запасъ казенныхъ и удѣльныхъ земель можетъ быть планомѣрно использованъ не иначе, какъ въ тѣсной связи съ общею земельною реформой. Представимъ себѣ на минуту, что правительству удастся распродать казенныя и удѣльныя земли раньше, чѣмъ будущая дума проведетъ законъ о принудительномъ отчужденіи. Въ такомъ случаѣ эти земли достанутся или, по крайней мѣрѣ, должны достаться исключительно наиболѣе малоземельнымъ элементамъ, главнымъ образомъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ съ нищенскими и полунищенскими надѣлами. Крестьяне этой категоріи должны будутъ со всего лица русской земли переселяться въ Самарскую, Астраханскую или Симбирскую губерніи, гдѣ будетъ предложено къ продажѣ свыше трехъ милліоновъ десятинъ казенныхъ и удѣльныхъ оброчныхъ земель. Во что, спрашивается, обойдется это переселеніе самимъ переселяющимся, или, если издержки будутъ приняты на государственный счетъ, всему вообще русскому народу, не считая даже тѣхъ не поддающихся оцѣнкѣ убытковъ, которые неизбѣжно повлечетъ за собою ломка сотенъ тысячъ крестьянскихъ хозяйствъ?!... Представимъ себѣ затѣмъ, что черезъ нѣкоторое время пройдетъ законъ о принудительномъ отчужденіи, и государственный земельный фондъ увеличится, сразу на десятки милліоновъ десятинъ. Въ такомъ случаѣ право на расширеніе землевладѣнія явится и у такихъ категорій населенія, которыя не могутъ на это претендовать, пока государство распредѣляетъ однѣ только земли казны и удѣла, въ частности—у большинства, если не у всѣхъ, бывшихъ удѣльныхъ и у очень значительной части бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Тѣмъ и другимъ было бы проще всего получить дополнительный надѣлъ изъ смежныхъ земель казны и удѣла, какъ малоземельнымъ крестьянамъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ было проще и удобнѣе всего получить его изъ сосѣднихъ владѣльческихъ

имѣній. Но... бывшіе помѣщичьи крестьяне, или по крайней мѣрѣ значительная часть ихъ, уже переселилась за тридевять земель, на земли казны и удѣла, а бывшіе удѣльные и государственные крестьяне не смогутъ воспользоваться смежными казенными и удѣльными землями, потому что онѣ уже отданы переселившимся на нихъ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ, слѣдовательно, они также должны переселяться за тридевять земель, на только-что отчужденныя у частныхъ владѣльцевъ земли. Значитъ — новые огромные расходы на переселеніе и новые неисчислимые убытки отъ ломки сотенъ тысячъ крестьянскихъ хозяйствъ. Между тѣмъ, ничего этого не было бы, разъ аграрная реформа была бы проведена по единому общему плану, намѣченному государственною думой: расширеніе крестьянскаго землевладѣнія осуществилось бы, въ массѣ случаевъ, путемъ простой прирѣзки къ надѣламъ смежныхъ земель: къ надѣламъ бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ—земель казны и удѣла, къ надѣламъ бывшихъ помѣщичьихъ—земель частныхъ владѣльцевъ, или же путемъ переноса усадебъ и хозяйства на свободныя земли въ предѣлахъ того-же уѣзда или въ худшемъ случаѣ—губерніи; лишь въ незначительномъ меньшинствѣ случаевъ потребовалось бы переселеніе изъ мѣстностей, гдѣ земельная нужда не можетъ быть удовлетворена мѣстными земельными запасами всѣхъ категорій, на рѣдконаселенныя и многоземельныя окраины. Какъ велико было бы достигнутое, при такой постановкѣ дѣла, сбереженіе народныхъ средствъ—это не поддается даже приблизительному исчисленію, но не подлежитъ сомнѣнію, что оно было бы громадно...

Но кабинетъ г. Столыпина исходитъ изъ убѣжденія, что никакой общей земельной реформы не будетъ, въ частности не будетъ принудительнаго отчужденія, и всѣ его хлопоты и старанія, всѣ указы объ удѣльныхъ и казенныхъ земляхъ направлены исключительно къ тому, чтобы заставить крестьянъ забыть объ общей земельной реформѣ и о принудительномъ отчужденіи. Конечно, это не болѣе, какъ мечты, покушеніе съ негодными средствами. Но, стоя на такой точкѣ зрѣнія, кабинетъ г. Столыпина долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы возможно равномѣрно распредѣлить тѣ земли, которыя предполагается передать населенію, чтобы передать ихъ тѣмъ, кто болѣе другихъ нуждается въ землѣ. А между тѣмъ все дѣло поставлено такъ, какъ будто бы правительство располагало для устройства малоземельнаго населенія наиболѣе малоземельныхъ областей имперіи какими-то другими, неопредѣленно большими земельными запасами.

Указы 12 и 27 августа какъ бы вовсе не предусматриваютъ случая, когда земля окажется въ одной мѣстности, а нуждающіеся въ ней люди—въ другой, и не намѣчаютъ никакой, такъ сказать, «междумѣстной» организаціи, способной произвести что-нибудь въ родѣ общаго распредѣленія земель казны и удѣла между наиболѣе нуждающимися въ землѣ группами населенія. Все дѣло сведено какъ бы къ отдѣльнымъ случаямъ покупки крестьянами у казны земельныхъ участковъ, и все это дѣло цѣликомъ передано въ руки мѣстныхъ земельныхъ комиссій, у которыхъ, въ силу условій, подробно выясненныхъ въ другомъ моемъ докладѣ, нельзя предполагать ни достаточной освѣдомленности, ни широкаго взгляда, необходимыхъ для того, чтобы примирить мѣстные интересы съ общегосударственными, ни достаточной авторитетности, чтобы провести въ жизнь такіе свои взгляды и рѣшенія, которые, сверхъ ожиданія, оказались бы не простымъ пересказомъ требованій мѣстнаго населенія. Комиссіи должны, конечно, руководствоваться смысломъ закона—но изъ указа 12 августа комиссія узнаетъ только одно: что удѣльныя земли должны продаваться «крестьянамъ»; изъ этого указа не видно даже, чтобы цѣлью распродажи удѣльныхъ земель ставилось улучшеніе положенія малоземельныхъ крестьянъ!.. И очень возможно, что это—вовсе не случайный редакціонный пробѣлъ, а отраженіе особенно сильной, именно въ удѣльномъ вѣдомствѣ, тенденціи къ созданію «крѣпкаго крестьянства». Въ указѣ 27 августа нѣтъ такого пробѣла: казенныя земли—сказано въ указѣ—предназначаются для обезпеченія «нуждающихся въ землѣ крестьянъ». Но какой крестьянинъ не нуждается въ землѣ, и что такое нуждающіеся въ землѣ крестьяне? Рѣшеніе этого вопроса предоставлено земельнымъ комиссіямъ,—но, конечно, представленія о «земельной нуждѣ» у какой-нибудь самарской или новоузенской комиссіи будутъ во много разъ болѣе широкія, нежели у курской или полтавской. Правда, усмотрѣнію комиссій поставленъ предѣлъ, въ видѣ порайонныхъ нормъ, утверждаемыхъ комитетомъ по землеустроительнымъ дѣламъ. Но законъ не устанавливаетъ никакихъ принциповъ, которыми комитетъ долженъ былъ бы руководствоваться при утвержденіи, а мѣстныя комиссіи—при разработкѣ представляемыхъ ими на утвержденіе нормъ. Комитетъ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, будетъ утверждать выработанныя мѣстными комиссіями, неизвѣстно на какихъ основаніяхъ, земельныя нормы, и у него не будетъ, опять-таки, ни достаточной освѣдомленности, чтобы исправлять допущенныя комиссіями, сознательно или несознательно, ошибки, ни авторитет-

ности, необходимой, чтобы рѣшиться не утвердить идущихъ съ мѣстъ предположеній. Всякій, хоть немного знакомый съ исторіей заселенія свободныхъ земель юго-восточныхъ и сѣверо-восточныхъ окраинъ, или точнѣе—съ исторіею тщетныхъ попытокъ правительства использовать эти земли для цѣлей колонизаціи и разселенія, знаетъ, какъ трудно, даже невозможно, бюрократическому центру бороться съ самыми преувеличенными требованіями и притязаніями, заявляемыми мѣстнымъ населеніемъ малоземельныхъ окраинъ или отъ его имени. Какъ совершенно правильно замѣтилъ Н. Н. Кутлеръ въ неоднократно цитированной статьѣ, данная постановка дѣла будетъ имѣть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ преобладаніе мѣстныхъ интересовъ передъ общегосударственными. Вездѣ, гдѣ только есть сколько-нибудь значительные запасы земель казны или удѣла, мѣстными комиссіями будутъ выработаны преувеличенно-высокія нормы, и большинство земель будетъ, просто, распродано мѣстному населенію. Въ тѣхъ-же случаяхъ, которыхъ никакими натяжками, никакими разсчетами на развитіе скотоводства или на возстановленіе переложнаго хозяйства нельзя будетъ подвести ни подъ какія нормы, казенныя земли будутъ «временно сохраняться» въ пользованіи мѣстнаго же населенія «въ видѣ арендныхъ статей». Это все, конечно, было-бы недурно, если бы страна располагала безпредѣльными земельными запасами. Но вѣдь земельные запасы страны не безпредѣльны, и даже тѣхъ, какіе есть, кабинетъ г. Столыпина не хочетъ обращать на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Какъ же, въ такомъ случаѣ, будутъ устраиваться дѣйствительно малоземельные крестьяне дѣйствительно малоземельныхъ губерній? И если «непроизводительная растрата крупнаго земельнаго фонда» (опять цитирую Н. Н. Кутлера), къ какой неизбѣжно сведется предначертанная указами 12 и 27 августа распродажа казенныхъ и удѣльныхъ земель, можетъ быть, будетъ очень пріятна и безъ того хорошо обезпеченнымъ землею группамъ населенія многоземельныхъ окраинъ,—то какія у г. Столыпина основанія думать, что эта растрата заставитъ ту массу русскаго крестьянства, у которой «по усамъ текло, да въ ротъ не попало», забыть о государственной думѣ и ея планахъ широкой земельной реформы?..

Вотъ все, что я имѣлъ сказать по поводу указовъ 12 и 27 августа. Конечный выводъ изъ сказаннаго ясенъ самъ собою. Только подъ вліяніемъ полемическаго увлеченія можно было, очевидно, приписать мнѣ или кому бы то ни было, близко стоящему къ партіи народной свободы, мысль, что «по существу правительство осуществляетъ

к.-д. программу и лишь пользуется другими терминами, чтобы насолить кадетской думѣ» [1]). Выхваченная изъ общей системы мѣръ, направленныхъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, поставленная на совершенно иную принципіальную и финансовую основу, подмѣнивающая простое «обращеніе» удѣльныхъ земель на нужды населенія продажею ихъ въ пользу удѣльнаго вѣдомства, передача населенію казенныхъ и удѣльныхъ земель, какъ она поставлена указами 12 и 27 августа, не имѣетъ **ничего** общаго съ программою партіи народной свободы—или имѣетъ столько-же общаго съ нею, какъ съ программою любой изъ болѣе лѣвыхъ партій,—и идетъ несомнѣнно въ разрѣзъ съ планами «кадетской думы»: во главѣ угла какъ программы партіи народной свободы, такъ и плановъ земельной реформы, вырабатывавшихся государственною думой, стояло и стоитъ **принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель**, и лишь въ связи съ такимъ отчужденіемъ передача населенію казенныхъ и удѣльныхъ земель сыграла-бы ту роль, какая предназначается ей по программѣ к.-д. партіи и по планамъ первой государственной думы. А въ той мѣрѣ, въ какой передача казенныхъ и удѣльныхъ земель осуществится на началахъ указовъ 12 и 27 августа, она создастъ только массу лишнихъ затрудненій и препонъ для болѣе широкой аграрной реформы.

---

[1]) „Народно-соціалистическое обозрѣніе“, кн. I, стр. 28—29, статья г. Пѣшехонова.

Резолюціи IV съѣзда партіи по аграрному вопросу.

I. Указы 12 и 27 августа и 19 сентября о распродажѣ населенію казенныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ земель являются несомнѣннымъ вторженіемъ въ предѣлы правъ народнаго представительства даже въ томъ ограниченномъ объемѣ, въ какомъ они установлены основными законами 23 апрѣля.

2. Предложенная указами 12 августа и 19 сентября возмездная уступка удѣльныхъ и кабинетскихъ земель идетъ рѣшительно въ разрѣзъ съ предположеніями думы, единодушно признавшей земли той и другой категоріи подлежащими отчужденію въ государственный земельный фондъ безъ какого либо вознагражденія кабинета и удѣльнаго вѣдомства.

3. Не связанная съ другими, болѣе широкими, мѣрами расширенія землевладѣнія трудового земледѣльческаго населенія и лишенная необходимой планомѣрности, распродажа казенныхъ и удѣльныхъ земель по указамъ 12 и 27 августа грозитъ нецѣлесообразною растратою цѣннаго государственнаго достоянія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и огромными затратами на безцѣльныя передвиженія и ненужною ломкою сотенъ тысячъ крестьянскихъ хозяйствъ. Примѣненіе при оцѣнкѣ правилъ крестьянскаго банка приведетъ къ преувеличенію продажныхъ цѣнъ и тяжко отразится на интересахъ покупщиковъ.

4. Усиленная дѣятельность крестьянскаго банка по скупкѣ владѣльческихъ земель на основѣ соглашенія съ владѣльцами, способствуя поддержанію и даже дальнѣйшему возрастанію и безъ того чрезмѣрныхъ земельныхъ цѣнъ, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ возложеніе или на будущихъ пріобрѣтателей земли, или на государство, непосильныхъ тягостей, къ исключительной выгодѣ землевладѣльческаго класса. Распродажа банкомъ, непосредственно или черезъ правительственныя землеустроительныя комиссіи, скупаемыхъ ими земель не давала бы никакой гарантіи правильнаго ихъ рас-

предѣленія между нуждающимся въ землѣ населеніемъ и угрожала бы сосредоточеніемъ продаваемыхъ земель въ рукахъ одной только состоятельной части населенія.

5. Организуемыя по указу 4 марта землеустроительныя комиссіи, представляя собою коллегіи бюрократически-землевладѣльческаго характера и не пользуясь довѣріемъ населенія, не обезпечиваютъ сколько нибудь цѣлесообразнаго примѣненія землеустроительныхъ мѣропріятій даже въ тѣхъ рамкахъ, въ какія они поставлены дѣйствующими законами и послѣдовавшими, по роспущеніи государственной думы, указами.

6. Вся вообще совокупность новѣйшихъ мѣропріятій въ аграрной области направлена исключительно къ поддержанію въ крестьянской средѣ авторитета устарѣлаго бюрократическаго строя и возстановленію довѣрія къ нему, а не къ дѣйствительно планомѣрному и цѣлесообразному удовлетворенію народныхъ нуждъ.

7. Съѣздъ настаиваетъ на томъ, что только земельная реформа, въ соотвѣтствіи съ программой партіи народной свободы, основанная, прежде всего, на принципѣ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель и проведенная одновременно во всей широтѣ, можетъ удовлетворить народныя нужды и вывести трудовое крестьянство изъ его бѣдственнаго положенія. Такой реформы народъ можетъ ожидать только отъ народнаго представительства.

8. Въ виду существующихъ предположеній правительства расширить дѣятельность крестьянскаго банка, направивъ ее также на операціи по залогу надѣльныхъ земель, и принимая въ соображеніе то глубокое потрясеніе крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства, которымъ можетъ грозить этотъ новый актъ правительственной политики, и тѣ новыя трудности, которыя имъ могутъ быть созданы для правильнаго рѣшенія земельнаго вопроса, съѣздъ поручаетъ центральному комитету и состоящей при немъ аграрной комиссіи озаботиться своевременнымъ и всестороннимъ освѣщеніемъ указанной мѣры.